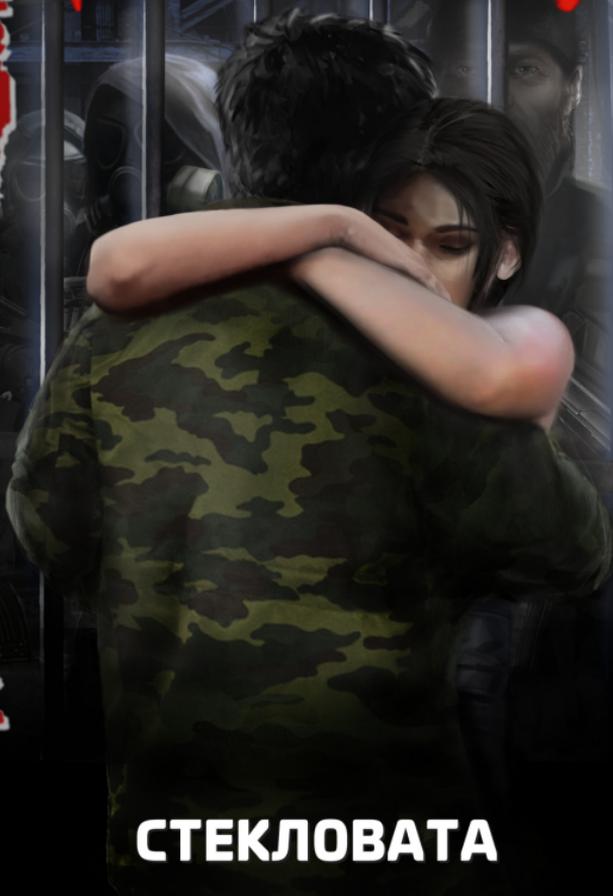

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

СЕРГЕЙ ФРОЛОВ

ИДДК

СТЕКЛОВАТА

Сергей Фролов
S-T-I-K-S. Стекловата
Серия «S-T-I-K-S»
Серия «Миры Артёма Каменистого»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66109592

*Сергей Фролов. Миры Артёма Каменистого. S-T-I-K-S. Стекловата:
ИДДК;*

Аннотация

Пашка тайно любил Алёнку все годы учёбы. Пригласить на свидание – нет. Три года он не решался, а впереди армия, и никаких шансов больше. А потом случилась катастрофа. Парень и девушка оказались порознь в мире Улья, в мире – где царит хаос и смерть. Он смог выжить, найти друзей и стать сильным. Всё, что он помнит – ему нужна она, и оказывается, нужна она не ему одному, за ней развёрнута охота...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	56
Глава 5	67
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Сергей Фролов

Миры Артёма Каменистого.

S-T-I-K-S. Стекловата

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Фролов Сергей

© ИДДК

Возрастные ограничения 18+

Глава 1

16 сентября

Минули каникулы, и все перешли на четвёртый курс технаря. Било бабье лето – яркий солнечный свет заливал багряную рябину и громадный жёлтый клён под окном. Тёплый ветерок шуршал листвой, порой перекрывая чирикание воробьёв в ветвях.

Алёна сидела на параллельном ряду у окна. Переливались на солнце паутинки и её чёрные волосы, выбившиеся из короткого хвостика. Тонкая шейка тоже как бы имела свою небольшую ауру. На худых плечах Алёнки была кружевная блузка, сквозь которую виднелись бретельки бюстгальтера. Стройную спину, как всегда, девушка держала ровно.

Все конспектировали. От монотонного голоса препода меня рубило. Голова уже несколько раз срывалась в пике к парте и резко дёргалась. Щипок за запястье помог ненадолго. Задержка дыхания тоже. Продолжая писать на автомате, я начал менять почерки. Вроде немного отпустило. На моей «Электронике-53» было 16.00, значит, осталось ещё десять минут. Шуршали бумага и ручки, туфли и туфельки, изредка шмыгали носы. Из окна пахло осенью.

Я боялся к Алёнке подкатить все эти годы. Из лета она пришла загорелая, с округлившимися формами, более жен-

ственная. Нежный голос, улыбка и взгляд выбивали почву из-под ног. Пригласить на свидание – нет. У меня не было денег даже ей на мороженое. Всех моих богатств, собранных за три года учёбы, хватило на джинсовую куртку «Деконс» с мельницей на пуговицах, джинсы, и криво сшитый тёмно-синий с фиолетовыми и бирюзовыми вставками спортивный костюм «Пума». Ну ладно, хотя бы скажу ей – три года не решался, а впереди армия, и никаких шансов больше. Стрёмно! Ну, хотя бы в компании с пацанами и её подружками попробую. Завтра День города. Все пойдут гулять. Ну, как бы немного пройтись с ней и тогда уж открыться – и будь, что будет!

Звонок. Я быстро сорвался, чтобы подловить свою тайную любовь на лестнице, что возле центрального входа. Улица меня встретила странным не то туманом, не то маревом, и противным химическим запахом. Мысли пронеслись мгновенно – где-то пожар, промышленная авария? Но тут ничего нет. Что-то случилось у вояк в этой странной части с большими антеннами и спутниковыми тарелками размером с дом? Так вроде это космонавты, а не химики.

А Алёнка шла не одна. Две подружки увлечённо что-то ей рассказывали. И они прошли мимо, по-моему, даже не заметив меня.

Нет, комплекса неполноценности у меня не было, кроме финвопроса, конечно. Я быстрее всех бегал, дальше всех прыгал, больше всех подтягивался. Не хуже других стрелял

из мелкашки, и собирал автомат Калашникова на пятёрку. Легко разгадывал кроссворды, да и в шашки, домино, карты не был лёгким соперником. Фанател от русского рока и читал фантастику. Играл за технарскую волейбольную команду. По вторникам и пятницам у нас были тренировки.

Я вернулся в здание и отправился в раздевалку спортзала, так как сегодня как раз была пятница.

Разминка прошла нормально, хотя и без музыки – электричества почему-то не было. А вот сама игра не заладилась. Пацаны тупили. У меня ещё и голова разболелась. Решил сходить в туалет попить воды из-под крана.

В окно я увидел, как нёсшийся на огромной скорости грузовик с песком протаранил ограждение на повороте и, раскидав пару легковушек на парковке перед столовой, въехал в этот дом из стекла и стали. В грохоте и брызгах осколков грузовик вылетел с другой стороны, вытащив на себе деформированный стальной остов здания, и затих, врезавшись в надземный теплопровод. Одна из толстенных труб треснула, и оттуда с шипением выстрелила кипящая струя воды. Это было совсем близко. Пар начал заволакивать обзор.

Мне захотелось свалить отсюда как можно быстрее и уж потом осмотреться. Благо до дома было недалеко, я обычно даже троллейбусами не пользовался. Между тем горячее озеро с опасной скоростью затапливало тротуар и проезжую часть. Я двинул к чёрному ходу, где все обычно курили. Он был открыт. Я прыгнул на бордюр, ещё не покрытый водой,

и побежал по нему, как канатоходец над пропастью. Вокруг исходила паром горячая вода с плавающими в ней бычками от сигарет. И вот я оказался в безопасности, на возвышении, иду вдоль дороги домой. С одной стороны – бетонный забор воинской части, с другой – небольшой газон и дорога с троллейбусными проводами сверху. Через пятнадцать минут я буду дома. Только вот на дороге стояла пробка, чего здесь отродясь не бывало.

Домой я так и не попал – дома просто не было. Посредине небольшого моста через ручей троллейбусная линия переходила в линию деревянных полусгнивших столбов со старыми телеграфными проводами. Сюрреализм происходящего дополняли предсмертные хрипы девушки, в горло которой вгрызся, по-видимому, её недавний спутник, типичный бражок в малиновом пиджаке с цепурой. Толпа вокруг вела себя странно, и даже как-то жадновато смотрела на кровь, заливающую дорогушее платье. Я повернул назад, перебежал дорогу и свернул в первый же попавшийся переулок. Возле меня, обдав рассолом, разлетелась вдребезги трёхлитровая банка солёных огурцов. Я поднял голову и еле успел увернуться от литрушки с лечо. Бабка на балконе третьего этажа хрущёвки с усердием метала в меня свои зимние запасы. Думать было некогда, я побежал. Цель – овраг, место моих детских игр. Там безлюдно и нет техники, котельных и прочей техногенной опасности. Первый дом, сарай, деревянный забор, калитка. И вот сосняк, утоптанная тропинка с высту-

пающими корнями тех же сосен. Хвоя по бокам, поворот. И вот слева – овраг, а за ним – стены гаражного общества. Как обычно, тот склон превращён в свалку, а дальше чисто. Здесь обычно выгуливают собак. И только я об этом подумал, как навстречу мне выскочил огромный доберман. Молча он нёсся на меня по этой тропинке, роняя пену из окровавленной пасти. Мне показалось, что я даже вижу лопнувшие сосуды на выкатившихся белках его страшных голодных глаз.

* * *

Алёнка с Аней и Катей вышли из технаря на тёплый осенний воздух. На козырьке центрального входа ворковали голуби, примостившиеся между обвисшими выставленными к предстоящему празднику флагами. Весело щебеча, девчонки направились к остановке.

Мявшийся у лестничных поручней Пашка проводил их печальным взглядом. Алёнка знала, что он к ней неравнодушен – о чём тут же сообщила Аня, и они вместе с Катей весело захихикали. Алёна промолчала, и потом заметила, что воняет чем-то химическим. Подруги согласились и начали высказывать различные версии происхождения этого запаха. Так и дошли до остановки в сторону новостройки. Троллейбусы стояли – по-видимому, где-то случился обрыв. Девушки сели в маршрутку: хоть дороже, но быстрее. Проехать, правда, удалось всего одну остановку. Светофоры зияли чёр-

ным, а на перекрёстке перед воротами военной части была пробка. Подождав минут пятнадцать, подружки поняли, что это бесполезно, и вышли на загазованный тротуар.

– Долго идти, – сказала осипшим голосом Катя. Аня молча кивнула, и они двинулись вдоль дороги пешком за заблокированный перекрёсток.

Что-то странное, ещё не понятное сознанию витало в окружающем мире. А вот интуиция уже била тревогу. Вся внутренне съёжившись в комок, Алёнка шла между умолкших подружек. В руках крепко сжаты новомодный кожаный с металлическими губками клатч и пакет из элитного магазина женского белья. В нём болтались три тетрадки. Алёнка знала, что в таком пакете допустимо лишь единожды донести покупки до дома, а использовать его постоянно – дурной тон. Но она не смогла устоять перед соблазном подразнить лишний раз застенчивого Пашку Калинина.

Вдруг за забором у вояк раздался истошный крик, а затем прогремел выстрел. Громкий звук заставил вздрогнуть. Но это были лишь цветочки. Шедшая рядом Катя среагировала совершенно иначе. Она ухватила спутницу за волосы, и, резко оттянув её голову, зубами впилась в шею сбоку. Уже заваливаясь назад, увлекаемая на землю Алёна по дуге вбила острый никелированный уголок крепко сжатого в руке клатча Кате в лицо, вложив в этот удар все свои силы. И попала – в висок или в глаз, в хлынувшей кровище было не разобрать. Приземлившись на пятую точку, Алёнка опеши-

ла, увидев странную реакцию Ани. Вместо того, чтобы достать платочек или там завизжать, та даже с каким-то вождением и радостью бросилась к голове поверженной несостоявшейся вампирши. Встав на колени, ухватила двумя руками голову Кати, развернула рану к себе и с жадностью начала слизывать кровь.

Алёнка как сидела на асфальте, так и поползла, не вставая, от этой ужасной картины в сторону. Затем перевернулась и, сделав ещё несколько шагов на четвереньках, смогла встать и побежала прочь. На шее наливался огромный синяк, сквозь порванные на коленях колготки сочилась кровь. Наконец смог вырваться истошный крик и из её доселе скованного ужасом горла. Этот крик прозвучал в унисон со множеством других таких же, всё чаще звучащих и сливающихся в невероятный общий хор.

Алёнка забыла, и как её зовут, и кто её родители, и вообще потерялась во времени и пространстве. Она хотела только одного – выжить. Что-то странное творилось с её головой: всё, что мешало выживанию, весь ненужный балласт памяти был отринут мозгом, остались только необходимые для спасения знания, навыки и способности. Может быть, поэтому она не плакала о маме и папе и не сидела на тротуаре безвольно рыдающей куклой. Да, нестерпимо болел укус. Но она куда-то бежала, бежали за ней. Эта гонка продолжалась бы до полного изнеможения и гибели, если бы не закончилась в крепких руках человека в противогазе. Очнулась девуш-

ка среди солдат в трясущемся кузове грузовика. Тент был подвёрнут, и в образовавшиеся зазоры торчали напряжённые стволы автоматов.

– Куда её? Отъехали совсем недалеко.

– Давай вернёмся, докладывай Хасанову.

Рация в кабине прошипела, и грузовик вскоре въехал в ворота части. К кузову подбежало двое спецназовцев с укороченными автоматами. Девушку ссадили и, придерживая под локти, отвели в белое двухэтажное здание за вторым КПП. Грузовик же умчался в город, где немного поутихло после первой волны насилия. «Чистых» на улицах уже не осталось, так что кричать было некому.

* * *

«Пума» меня не сковывала, я стал в стойку с опорой на обе ноги, готовый мгновенно уклониться в любую сторону. Вспомнилась брошюрка «Рукопашный бой с собакой». Я даже не всю её читал. Просто в книжном взял в руки и пробежал взглядом картинки и подписи к ним. «Собака практически не управляет собой, когда уже прыгнула и летит к вам». «Самые страшные – это горловые и паховые собаки¹, но в то же время и самые лёгкие в противодействии». Как бороться с собаками, атакующими ногу или руку, я не пом-

¹ Кинологический термин: собаки, атакующие в первую очередь горло или пах противника.

нил, кроме того, что душить их бесполезно: на шее у них самая сильная мускулатура. «Отклонитесь! Когда собака уже в воздухе и не касается земли – она не управляет своей траекторией». «Ухватите прыгнувшую собаку за заднюю ногу, крутаните её. Центробежная сила не даст ей согнуться. Вам надо успеть сломать или вывихнуть заднюю лапу».

Чудо, но собака прыгнула прямо мне в горло, прыгнула хорошо, и я действительно смог уклониться. Пасть щёлкнула в воздухе где-то рядом с лицом. Я даже почувствовал запах псины. Ухватить удалось. Из стойки я крутанул хищника вокруг себя, как заправский метатель молота, и, сделав шаг в сторону, приложил псину башкой об вкопанный бетонный столбик – «чтоб машины не ездили». Доберман взвизгнул и отключился. Я повторил манёвр с уже обмякшим телом. Ясно, что в этой катавасии мне нужно оружие, холодняк, а лучше огнестрел. Пока что у меня был только этот костюм «Пума» и китайские «тапочки покойника».

В ушах бухали удары сердца, в дыхании чувствовался привкус крови. Я согнулся и, опершись руками о колени, попытался отдышаться и избавиться от непрерывно выделявшейся вязкой густой слюны. Отплевавшись, я поднял голову и увидел странный ворох непонятного мусора, немного растянутого по пологому склону. Сделав буквально несколько шагов в ту сторону, я сошёл с тропинки и захрустел по жёлтой в ярком сентябрьском солнце хвое. Картина разыгравшейся здесь трагедии стала очевидной: взбесившийся пёс растер-

зал хозяина и уже начал его пожирать, когда я попался ему на глаза. Вот и поводок. Стараясь не смотреть на потроха, я подошёл ближе, и увидел солидную барсетку на руке покойника. Немного повозившись с её снятием, я смотрел всё время поверх трупа на окрестности. Слева в просвет между гаражей, откуда тянулся солидный «язык» свалки; сзади на тропинку, откуда я пришёл; спереди на дно оврага с ручейком, по которому можно было дойти до того злополучного мостика, откуда я так бежал недавно со всех ног. Справа шёл бетонный забор с колючкой поверх него. Там находился завод, давно обанкротившийся, его территория была сдана в аренду десяткам фирм. Чего только там не было: пилорама, швейный цех, пластиковые окна, выпечка тортов, и многое, многое другое. Фактически, вдоль другой его стороны я и бежал, пока не встретился с бешеным псом. Куда пойти?

В барсетке была мощная связка ключей – по-видимому, от гаража, – документы, квитанции об оплате, и портмоне с деньгами.

План родился моментально. Адрес дома на квитанциях был мне знаком, искомая пятиэтажка была в зоне прямой видимости. А вот и платёжка за свет в ГО «Автомобилист-2». Абонент 4. Будем надеяться, что это и номер гаража. Теперь предстояло преодолеть свалку на довольно крутом склоне. Помогла молодая поросль американского клёна, массово пробивавшаяся сквозь многочисленные обломки разбитых корпусов аккумуляторов, битых стеклопласти-

ковых бамперов, подкрылков, стёртых покрышек и прочего автомусора, припорошённого упаковками от «дошиков», разных нарезок и прочей закуси. Я хватался за очередной стволик, с раскачки забрасывал руку на следующий, и подтягивал к нему своё тело. Напоминая себе какого-то орангутанга или длиннорукого гиббона, я с трудом взбирался наверх. Дышать в помоечных испарениях было тяжело, пот лился рекой и заливал глаза. Изредка я вытирал его тыльной стороной кисти, стараясь не занести в глаза едкие ошмётки коры с ладоней. У верха я совсем вымотался, и клёны, как назло, кончились. Крупный мусор, правда, тоже. Набравшись сил, я раскачался и выбросил своё тело на глиняную лысину, упал и прокрутился, лёжа на ней. Замер; поняв, что вниз я не сползаю, провернулся ещё раз. Оказавшись на плоскости, я вспомнил сцену из какого-то фильма, как потерпевший кораблекрушение выброшен штормом на пляж тропического острова и отползает от полосы прибоя.

Нужный гараж я нашёл быстро. Пришлось повозиться с ригельным замком, но я справился. Закрыв за собой железную калитку на задвижку, я почувствовал себя в относительной безопасности. Мельком я увидел, что мне досталась старая «Нива» с ещё горизонтальными задними фарами. После закрытия двери гаража стало темно. Лишь пыль висела в солнечных лучиках, пробивающихся в щели железных ворот. Сухой, пропитанный парами бензина воздух навеял гаражную ностальгию. Сколько часов в детстве я провёл в де-

довском гараже у верстака, ковыряясь с тисками, пилами, напильниками и свёрлами, создавая очередную свою задумку... Я делал деревянные корабли, самолёты и самострелы, пробовал чеканить монеты и шлифовать красивые камни. Здесь тоже был верстачок, заваленный железками. Был тут и фонарик. Он даже заработал после пары ударов об ладонь, чего я даже не ожидал: стукнул просто по привычке. Дальше дело пошло легче. Я открыл машину и включил фары с аккумулятора – заметив себе, что долго этого делать не стоит, ведь ночью этот свет будет так же литься из щелей на улицу, как сейчас льётся вовнутрь солнечный.

«Электроника-53» показывала уже 17.37, и я закончил обыск. Его результаты меня откровенно порадовали, причём по всем моим направлениям мысли. Первое – выматывающая головная боль. Богатая аптечка в шкафу на стене одарила меня и аспирином, и парацетамолом, и но-шпой. Я закинулся всем сразу. Пришлось накапливать слюну, чтоб проглотить и протолкнуть по пищеводу все эти таблетки. Вскоре стало легче. Но тут скрутило желудок, и я запил все большим глотком альмагеля.

Нарисовалась проблема с водой, но я счел, что это будет решаемо.

Вторая проблема – транспортная. То, что город опасен, я уже для себя уяснил. Здесь была машина и две полные алюминиевые десятилитровые канистры бензина. Хотя прав я не имел, но управлять машинами мог, был в моей жизни такой

Опыт.

Третья проблема – самозащита. Тут хозяин тоже не подкачал. Отлично насаженный острый топорик стоял в уголке возле кучи рыболовных снастей. Но самое главное нашлось в странной щели под потолком. Между недоложенным рядом кирпичной кладки и бетонной потолочной плитой обнаружился чертёжный тубус, а внутри него – обрез «мосинки» с переделанным прикладом, треснутым и собранным заново при помощи эпоксидки и синей изоленты, плюс самодельный брезентовый пояс-патронташ с тридцатью патронами. Был тут и самодельный шомпол, и пузырёк с ружейным маслом. Винтовочка была подзаброшена, и я, взяв тряпицу, как следует почистил оружие, смазал и протёр не только механизмы и ствол, но и все патроны. Пока работал, вспоминал Алёнку. Жила она в новостройке, в противоположном направлении от моего дома.

Я открыл уголком топора банку консервированного горошка и понял свою ошибку. Раньше мне стоило это сделать, и запивать таблетки этим восхитительным соком из банки, что был между неплотно плавающих горошин. Горошка в гараже было два блока по двадцать банок, обтянутых плотной плёнкой. Я отправил их на заднее сиденье к канистрам, лопате, фомке, аптечке и комку². Тубус положил на сиденье возле водителя; поужинал, чем Бог послал (а конкретнее, горошком). Я решил всё же не ночевать здесь, а отправиться на

² Комок – камуфляжная форма

выезд из города через Алёнкину новостройку – хотя раньше хотел выбираться в районе старых телеграфных столбов, что появились тут рядом.

И тут мне показалось, что в дверь кто-то легонько поскрёбся. Я весь обмер, осторожно выключил фары и затаил дыхание. Шум повторился, солнечные лучики замелькали, перекрываемые чьими-то тенями. Шаркали по мелкой щёбёнке перед воротами подошвы обуви, запахло дерьмом. Сердце забухало. Никак у гаража было несколько хозяев? Но ключами никто не гремел и в скважину их не пытался вставлять. Таинственные гости тоже замерли. Лишь методичное откачивание нарушало покой закатных лучиков. Эти вонючие бомжи просто стояли и качались под воротами. Я осторожно заглянул в наиболее широкое отверстие. И в ужасе отшатнулся – прямо мне в лицо зашипела на вдохе протухшая морда настоящего зомбака. Затем последовал мощный удар ладони по той дыре, в которую я глянул. Удары посыпались один за другим. Уняв дрожь, я взял себя в руки. Сюда им не пройти – это уже плюс. А вот как мне теперь выйти? И что это – заражение? Я уже не таился, открыл машину и включил радио. Стал проверять все частоты и диапазоны. Везде царило полное молчание.

Возможно, началась война, и противник применил биологическое и иное не известное нам оружие, от которого меняется ландшафт, а заражённые вирусом становятся кровожадными зомби и пожирают всех вокруг? Моё сознание вы-

бирало из головы уже готовые сценарии из фильмов и книг, пытаясь подогнать существующую реальность под эти шаблоны. Что-то такое я, в общем, осознавал для себя, но полного понимания до сих пор не было.

Минуты через две неугомонные покойники затихли и снова стали делать свои «качели». Может, завалить их из обреза? Но где гарантии, что на шум не набегут новые? И тут сквозь шипение прорвался голос. Я подкрутил ручку приёмника.

– Внимание! Город подвергся биологическому заражению. Не покидайте своих квартир. Плотно закройте все окна и двери, заклейте щели. Не пользуйтесь водопроводом. Помощь будет оказана в ближайшее время. Внимание! Город подвергся биологическому заражению...

Говорил робот. Я выключил пока радио, чтоб не раздражать этих вновь возбуждённых ходячих мертвецов.

Мне показалось, что вдали послышались выстрелы. Как оказалось, это было правдой, потому что мертвяки пошаркали на выход из гаражного общества. Стал отчётливо слышен звук работы мощного мотора. Снова сдвоенный выстрел, ещё и ещё. Решившись, с топором наизготовку я резко распахнул дверцу гаража. Вокруг было чисто. Мои знакомые лежали, упокоенные, на выезде с территории общества. Над основной дорогой ещё стояла дымка из пыли и выхлопных газов. Подцепив тубус с обрезом в другую руку, я побежал к дороге. У самого поворота остановился и осторожно выгля-

нул из-за крайнего гаража. Почти тут же две пули выбили камни из противоположной стены. Я успел увидеть удаляющийся БТР и тентованную «шишигу³». В кузове тряслись солдаты в противогазах – они-то в меня и стреляли. Прижавшись за спасительным углом, я невольно увидел дорогу, где уже проехала эта техника. Справа и слева валялись убитые люди, по одному и группами. Так вот какого рода помощь стоило ожидать от военных жителей. Город пытались зачистить. Меня такой вариант не устраивал. Показываться кому-либо на глаза я начисто передумал.

А вот звук моторов изменился, техника вроде как приближалась. Я не понял – за мной, что ли?! Смотреть даже не стал, ринулся к спасительному гаражу. Только захлопнул калитку, как «шишига» встала в повороте. Послышалось, что несколько человек спрыгнули на грунт и пошли вдоль гаражей. Мой был четвёртым. Успели они увидеть закрывающуюся дверь или нет? Я стоял, не шевелясь, притягивая ручку на себя и уже не рискуя двигать засов – а вдруг скрипнет? Тогда конец. В этот момент мне очень сильно захотелось исчезнуть, стать бестелесным. Мир потерял краски, звуки доносились искажёнными, как будто проходили сквозь толщу воды. Берцы охотников протопали дальше. Рука предательски заныла. И вообще, как выяснилось, стоял я очень неудобно. Шаги стихли вдали. До конца тупика идти им метров сто ещё. А вот водила или старшой включил рацию и начал до-

³ «ГАЗ-66»

кладывать о задержке. Полностью его слов я не разобрал, но в общем смысл понял. Дескать, увидели кого-то. Двоих за-
валили, а третий убежал, по ходу, в овраг прыгнул. А там
другая группа работает, пусть смотрят. Что ему отвечали – и
вовсе разобрать не удалось. По дороге промчались ещё гру-
зовики, протопали возвращающиеся солдаты, и, похоже, за-
лезли в кузов. Этот же голос крикнул, мол, отстаём от графика,
надо поторапливаться. Взревели моторы, группа поехала
дальше. А я всё же закрылся. Ржавая задвижка пронзительно
скрипнула в тишине и глухо ударила о металл. Мое тело
сползло по двери на пол. Чёрно-белый мир запертого гаража
пронзил высасывающим холодом, потом как-то резко холод
исчез, проявились краски. Липкий пот покрывал всё моё тело.
Пролежав с минуту, я с трудом встал и подошёл к старому
продавленному дивану, стоявшему вдоль задней стенки.
Лёг, свернувшись в позу эмбриона, просто и без всяких
мыслей. Скоро ли, не знаю, но я провалился в крепкий сон.
Ещё ездили по дороге военные машины, иногда стреляли. Я
был в своём уголке в безопасности.

Глава 2

Бункер

Стариков прошёл «вертушку» и отдал воинское приветствие вставшим в «аквариуме» ребятам, поздоровался за руку с прапорщиком – старшим наряда, затем выслушал короткий доклад и прошёл на территорию.

Слева шёл ряд двухэтажных кирпичных одноподъездных домов. На каждом из них виднелась красная большая табличка, на которой золотыми буквами были однообразные надписи «в/ч» и цифры. Чистая асфальтированная дорога, обрамлённая побелёнными бордюрами. Справа – аккуратно подстриженные кусты белой бузины с пропусками для деревянных синих лавок без спинок. За ними – высокий бетонный забор с кольцами колючей ленты поверху и камерами видеонаблюдения на штативах. За забором – КСП (контрольно-следовая полоса) и ещё один такой же забор. Впереди, метрах в двухстах, был ещё один КПП, за ним виднелись «лопухи» гигантских антенн. Далее – технические здания испытательных центров и конусы выросших здесь за пятьдесят лет голубых елей. Где-то слева, тоже за деревьями, только на этот раз громадными тополями, проглядывали своды полукруглых оцинкованных ангаров-складов. Там же, за ангарами, находились плац, столовая и пятиэтажные казармы

учебки и подразделений охраны.

Многое на своём веку пришлось повидать подполковнику Старикову. Хоть сверхсрочку в Афганистане в спецназе в 87-м вспомнить...

Тогда командование решило использовать новую тактику борьбы с боевиками – лишить их денег и оружия. Не позволять караванам с наркотиками уходить в Пакистан, чтобы взамен оттуда не шло оружие. Вот и взлетали вертолёты на патрулирование и по тревоге, накрывали ракетами эти караваны; высаживались спецназовцы в сложных условиях и вели бой. Устраивали засады и проверки, исходя из полученной агентурной информации. Успехи были, но были и жертвы; сколько боевых товарищей оставили свои жизни в чужих горах... Потом были командировки в Абхазию, затем в Чечню. Дело подошло к пенсии; хотелось ещё послужить, но накопленные травмы не оставляли на это шансов. Стариков, послушав жену и друзей, решил за год до срока выслуги перебраться поближе к столице, чтобы получить квартиру в нормальном месте, а не в захолустном городке, где дислоцировалась его воинская часть. Хорошо хоть, в Рынке освободилась должность командира батальона охраны, комплектовавшегося спецназом. Здесь на территории космонавтов базировались и стратегические ракетчики, и лётчики, и родной спецназ; а ещё учебка и необъятные склады, забитые, правда, в основном не оружием и боеприпасами, а катушками с кабелями, патронами к противогазам, фильтра-

ми для шахтной вентиляции и прочим техническим хламом. Люди же все дослуживали предпенсионные, явившиеся сюда с аналогичными со Стариковым целями – только житейской хитрости и наглости было у них побольше. За эти последние полгода-год строились силами немногих подчинённых солдат вокруг городка дачи, гаражи, делались ремонты. Была тут и учебка по строительным специальностям, вернее, эксплуатационным, но сути это не меняло. Солдаты работали лопатами, пилами и мастерками, таскали носилки и возили тачки. За это их кормили неказённой едой, что вполне всех устраивало. И только батальон подполковника был неприкосновенен. Он был настоящей боевой единицей, где солдаты в совершенстве знали, как стрелять из автомата, метать гранату, работать в сплочённой группе. Физподготовка также была на уровне. Занятия по рукопашке Стариков проводил лично, добиваясь от подчинённых идеального применения хотя бы базовых приёмов: ударов, подножек, бросков, захватов и освобождений от них. Постоянно одна рота выезжала в командировку в горячие точки. Но главное, всё это было не зря – ведь им приходилось действительно охранять очень важный и значимый объект. Никто в городе не знал, что под территорией части находится резервный испытательный центр военно-космических сил, куда стекалась телеметрия с космических аппаратов. В частях в это были посвящены лишь те, кого это непосредственно касалось. Всегда под землёй в бункере, способном выдержать прямой ядер-

ный удар, несла вахту дежурная смена. Комплектовалась она из списка избранных офицеров: в основном, инженеров, разбирающихся во всех этих кнопочках, тумблерах, стрелочках. Раз в неделю заступал туда на дежурство и Стариков. Его заботой была безопасность учёных в погонах, отсюда он мог в случае чего и руководить своими ребятами на поверхности, не давая возможному супостату подобраться к лифтам, вентиляционным шахтам и антенному полю.

В эту пятницу по графику был его день дежурства. Побывав у психолога и расписавшись во всех журналах, Евгений Иванович облачился в положенный для подземелья костюм, и вместе со всем составом боевого расчёта спустился в бункер.

В 16.02 начались проблемы; в 16.15 стало ясно, что они необратимы. Приборы просто сошли с ума. Бункер автоматически перешёл на автономное, резервное питание. Мониторы наружного наблюдения, окружавшие подполковника, показали начало задымления, это же выдали и сверхчуткие химические и оптические датчики: сначала небольшую концентрацию примесей у верхушек мачт антенного поля, затем ЭТО начало стремительно густеть и ложиться на поверхность земли. Инстинкт и интуиция, не раз выручавшие Старикова, сработали раньше аналитической зоны сознания. В 16.02 по всей части была отдана команда «Газы!». Команда не отменялась и в 16.15, когда странный туман рассеялся. От силы двадцать процентов личного состава имели и надели противогазы так стремительно, как того требовала ситуация.

Но ребята из охраны не подкачали; не надевшие же средства защиты стали демонстрировать явные аберрации в поведении. Хорошо, что оружие было лишь у охраны из спецназа и у некоторых из заступавших на боевое дежурство на поверхности – иначе пролилось бы много спецназовской крови. Хотя её и так пролилось немало от лопат, кирпичей и даже зубов свихнувшихся от этой заразы солдат. В городе также творилось нечто подобное. В довершение ко всему с небосвода исчезли абсолютно все спутники и самолёты. Пропали все виды внешней связи. Локаторы говорили об изменении рельефа поверхности земли в некоторых районах. Всё по линии забора складов слева исчезло с камер видеонаблюдения: плац и здания вокруг него, учебка, автобат, артсклад, столовая. Не просматривалось три четверти техзоны с антеннами. В 16.22 Старикову пришлось взять командование на себя, так как всё вышестоящее начальство самоустранилось от несения службы.

Коллегиально предположили, что над воинской частью распылены некие споры, вирусы или бациллы, молниеносно поражающие нервную систему и проникающие в жертв через дыхательные пути – ведь солдаты в противогазах признаков неадекватности не демонстрировали. Правда, были и исключения: пара солдат без противогазов сохранила разум. Но они погибли в этой кутерьме, проявив нерешительность в борьбе со своими свихнувшимися сослуживцами. Вскоре пришлось отдать приказ на уничтожение всех подвергшихся

заражению, не смотря на чины и воинские звания. Болезнь развивалась крайне быстро. Поражённые, если добирались до плоти жертв, рвали её прямо зубами и голыми руками. По всей видимости, именно так стимулировались в мозгу определённые зоны, а другие отключались или угнетались.

В 18.00 с неразберихой на территории части было покончено. Был отдан приказ сменить патроны в противогазах. Народ хотел пить, но повезло лишь тем, кто имел модель ПГ-7В с приспособлением для питья воды из фляжки – по сути, простая трубочка с наконечником, как пробка от фляжки, которая и накручивалась вместо родной пробки. Там кассета фильтра воздуха прикручивалась сбоку. Народ с противогазами модели ПГ-5, где кассета фильтра смотрела вниз, вынужден был страдать от жажды. Подполковник Стариков, вынужденно ставший командиром, дать разрешение снять противогазы пока не мог. Сто пятьдесят шесть человек были у него на поверхности, и семь – под землёй. Пока были... А город вокруг части бесновался. Там что-то взрывалось, дымили пожары, кто-то кого-то жрал.

В бункере паники не было. Народ на дежурство подбирался стрессоустойчивый, с высокими морально-психологическими качествами, а главное, профессионалы своего дела. Из них был заново сформирован чрезвычайный штаб, распределены обязанности. Началось первое заседание.

Встал подполковник Стариков:

– Предлагаю взглянуть правде в глаза. Мы продолжаем

терять людей уже и через два часа после инцидента – назовём это пока так. На поверхности уже не сто пятьдесят шесть бойцов. Восемь помещены в карантин в помещение бывшей оружейки казармы лётчиков. А всё это значит, что поражающий фактор не ослабевает. Восемьдесят два человека из личного состава имеют средствами защиты ПГ-5. Вскоре у них начнётся обезвоживание, и они станут бесполезны. Предлагаю использовать их с пользой в эти оставшиеся для них часы. Наши первоочередные задачи – это связь с центром, определение диспозиции и помощь гражданским.

Встал майор Короткий.

– По поводу связи, как с центром, так и со спутниками, а также эфирной и проводной со средствами видеонаблюдения – у меня основная версия такая. Спутники есть, но наши средства контроля не работают должным образом. То же самое с камерами и датчиками на большей части контролируемой территории. Могут быть перебиты провода. Может не сработать резервное питание. В любом случае, это можно проверить, а заодно подтвердить витающие в воздухе слухи об изменении рельефа. Предлагаю провести полную рекогносцировку местности, где исчез видеоконтроль, силами спецназа батальона охраны. Это наиболее боеспособная часть наших сил, к тому же оснащена противогАЗами ПГ-7В. Это позволит им пробыть на поверхности более длительное время. Ночью при помощи средств визуального контроля мы сможем рассмотреть на небе наши спутники; карта секто-

ров звёздного неба с ориентирами у меня имеется. Остальных военнослужащих, выживших при заражении и имеющих противогазы ПГ-5, собрать в сводный батальон и использовать за пределами части для зачистки городского массива и спасения людей, обладающих иммунитетом, в том числе для дальнейшего изучения. И, чем чёрт не шутит, в дальнейшем отправим образцы их крови или самих спасённых в центр для выработки вакцины или антидота.

Стариков кивнул, и Короткий сел. Связист передал на поверхность первые распоряжения штаба.

Слово взял Березин, ответственный за сбор и изучение всей информации об инциденте. Его доклад пока ставил больше вопросов, чем ответов, и лишь доказывал всю невероятность происходящего.

Тем временем с поверхности начали поступать первые доклады. Была закончена ревизия транспорта и вооружений, сформированы патрульные группы, составлены и розданы карты и графики патрулирования.

С территории части спецназ уже вернулся ни с чем. На месте остались лишь четыре складских ангара и территория над бункером на техзоне с тремя параболическими антенными установками, а также вся территория между первым и вторым КПП, с двухэтажками кадрированных частей. Всё остальное как обрезало. Вокруг расстилались какие-то кукурузные поля, берёзовые перелески и заболоченная местность. Забор со стороны города стоял на месте, но шестна-

дцатиэтажек на горизонте не было видно. Примыкающие к военной части гражданские дома стояли на месте, но следовало дожидаться доклада сводного батальона.

Взяв слово, поднялся капитан Кошарный.

– Судя по журналу замены фильтрующих элементов вентиляции бункера – завтра, в самом крайнем случае послезавтра их необходимо заменить на новые. Первый склад, как я понял, на месте. Так что необходимо отдать распоряжения насчёт этого.

– Да, хорошо. Майор Короткий, распорядитесь наверх.

Заседание продолжалось.

К 20.00 в экстренный штаб поступили доклады от возвращавшегося с прочёсывания города сводного отряда. По сути, от города остался лишь один Ленинский район, застроенный пяти- и двухэтажными домами. А дальше – те же поля, рощи и болотины. Заражение затронуло почти всех жителей. Лишь считанные единицы выживших с иммунитетом были доставлены в созданный пункт временного размещения, в здание прямо над бункером. Передаваемое по радио сообщение вообще не оказало никакого воздействия. Наблюдалась тенденция к росту силы и скорости некоторых особей заражённых. На улицах их было уничтожено около тысячи. В квартирах, по данным статистики, должно быть ещё пятнадцать тысяч, если они, конечно, не пожрали друг друга. Встал вопрос с пополнением боеприпасов. Также в карантин пришлось поместить ещё двенадцать солдат. Все симптомы прогресса их

заражения тщательно фиксировались группой Березина.

Встал замполит, заслуженный человек и душа любой компании в обычной жизни, имевший негласное право носить шикарные рыжие усы подполковник Седковский.

– Мне докладывают о росте негативных настроений у оставшихся наверху. И хотя мы тут приняли решение относительно бессмысленности зачисток города, людей без дела оставлять нельзя. Рекомендую начать тотальную зачистку или отправить колонну из города подальше. Иначе они начнут штурмовать наш бункер.

Стариков встал и прошёлся, заложив руки за спину, смотря при этом себе под ноги.

– Я ожидал такого. Без воды и еды они уже несколько часов, но это терпимо. Главное, у людей нет никакой надежды. Прояснившаяся ситуация лишь показала нашу обречённость. Сначала погибнет сводный батальон и спецназ, а потом и мы, когда закончится ресурс фильтров нашего бункера. Не получив указаний сверху, мы действовали по своему усмотрению. Инструкции же предписывают оставаться на месте. Но мы выпали из структуры армии. И действительно, нам нужно наладить связь с центром. Ближайшая к нам воинская часть находится в шестидесяти километрах к северу от нас в Североармейске. Мы разделимся. Сводный батальон и вторая рота спецназа со всей бронёй отправятся на север. Они также транспортируют туда спасённых гражданских. Командование колонной поручаю капитану Хасанову.

Оставшаяся первая рота занимает оборону в здании командного центра над нами. Периметр части охранять нечем, так что оставим его.

Стариков остановился, выпрямился и с азартом профессионального игрока, попавшего на значимый турнир, посмотрел на сидящих за столом офицеров.

Было тихо; стало слышно, как жужжат дроссели в люминесцентных лампах на потолке. Мир вокруг казался слегка мутным и полупрозрачным.

– Приступить к исполнению!

Подполковник прервал тишину и отправился в мониторинговую.

Наверху началась движуха. Первая рота стаскивала в здание командного центра всё оставшееся вооружение и боеприпасы, баррикадировала окна первого этажа мешками с песком, обустроивала огневые точки на втором этаже и на плоской крыше.

Сводный батальон и вторая рота дозаправили остатками топлива свои три БТРа и четыре «шишиги», разместили пятерых гражданских в «буханке» Хасанова. Не задерживаясь, они выехали выполнять задание.

Глава 3

Колонна

Бесконечные поля налитых чернью семян подсолнухов склонились к заходящему солнышку – своему кумиру, чтобы завтра повернуть свои обрамлённые золотыми коронами угольные лики к рассветной стороне. Но скоро этот праздник жизни преждевременно закончится. Над полем летал дельтаплан и распылял над беззащитными растениями ДДТ. Это вещество вскоре превращало цветущее поле в мёртвый лес из коричневых изваяний, в «терракотовую армию» растительного мира. А дело было в том, что комбайн по сбору семян подсолнечника у этого фермера был слишком тяжёл и проваливался в мягкий грунт. Поэтому нужно было выгнать его на поле, когда почва от морозов замёрзнет и сможет выдерживать вес тяжелой машины. А подсолнечник в таком стоячем состоянии мог ждать этого довольно долго, хоть до Нового года.

Когда дельтапланерист подумал, что его двухфилтровый противогаз не безупречен и не избавил всё же от этого дерьма – то был не прав. Туман и последовавшая за ним смена линии горизонта не были связаны с его работой. Также и другие галлюцинации с исчезновением деревни вовсе такими не являлись. Просто теперь он оказался в Улье. Ему

очень не повезло. Пролети он этот кусок поля на пятнадцать минут раньше или позже, и ничего бы не было. Но у Стикса были свои планы на его роль в этой истории.

– Это что за чучело там над полем летает? – спросил Мося, бывалый, по меркам Улья, иммунный. Здесь он был уже полгода. Бывший завсегда́тай бандитских малин, притонов и тюрем; человек, который никогда и нигде не работал – здесь начал это делать. Его бизнес был очень прибылен. Он торговал живым товаром.

Мося поглядывал то в бинокль, то на часы.

– С минуты на минуту колонна должна пойти.

Нервно сплюнув, бандит запрыгнул в кузов сто тридцать первого «ЗИЛа», где на лафете был установлен крупнокалиберный пулемёт «Корд», и стал наводиться на объект в небе.

Раньше, по первости, Мося иногда ходил со Слоном и его отрядом в Рынок. Там кластер грузился очень часто, раз в неделю, часа в четыре вечера. Изменения происходили быстро. Ждали, когда изменённые пожрут вояк, потом брали боеприпасы и грузовики; иногда даже БТР прилетал. Надо было успеть до утра.

Утром приходила орда заражённых с юга, водил её могучий элитник Гаррош. Она доедала город в ноль и пополнялась уже наиболее отожравшимися местными. Гаррош чуял всех, и доставал их, где бы они ни спрятались. Потом орда сворачивала на восток, к черноте. Там на следующий день грузилась свиноферма, а дальше Мося и сам не знал. Но че-

рез неделю, с утра, орда стабильно была в почти свежем Рынке.

Не все кластеры перегружались. Некоторые стояли десятилетиями. Такие звались стабами. Ещё до Слона один такой стаб заселили иммунные. Километров двести отсюда – но игра стоила свеч, путь стократно окупался.

Самый ценный товар в Улье – это органы и кровь иммунных, на него есть спрос. А при определённом умении и везении с местом его довольно легко достать или вырастить. Ведь иммунные обладают колоссальной силой регенерации. Отрачивают глаза и руки за пару месяцев, а кровь – так хоть через день качай. Вот покупатели и выделили Слону местечко под «ферму», а также и место показали, где «скотину» брать. А взамен – жизнь и приятные бонусы. И Слон, и Мося, и другие сами в своё время должны были оказаться в таких клетках на другой «ферме», но их по каким-то критериям отобрали, собрали в отряд и дали «тему», на которой Слон просидел два года! Действительно, сколько сотен иммунных покупатели получили только от Моси взамен его паршивой жизни. А уж сколько им дал Слон...

Мося поймал упреждение и нажал на гашетку. Нейлоновая птица разлетелась в клочья на фоне перистых облаков, подсвеченных розовым. Её ошмётки с различной скоростью приближались к земле. Самые лёгкие стало сносить в сторону проблескивающей зеркалом среди полей речки.

...Однажды Слон немного завозился с недобитыми воя-

ками в городе, а Гаррош пришёл немного раньше. В общем, Слона с его группой больше никто не видел.

Мося же был трусоват, но хитёр. Он заметил, что где-то через раз из города выходит колонна на север. В ней всегда везут иммунных. Так зачем лезть в опасный город, когда можно наверняка взять добычу здесь, из засады, а потом переждать орду, и в пустой город сходить за оружием и техникой. Пятьдесят километров Мося считал достаточной защитой от сенсорного элитника. ...А потом домой. Как раз успевали ещё «поиграть» в стабе со «свежачком». Натешившись, Мося снова шёл в рейд. Бывало, что колонна не выходила. Тогда тут пережидали пару дней и ехали в город смотреть, что ценного уцелело после орды, и домой. Тогда уж очень сильно не везло иммунным с фермы. Были у Моси свои «любимцы» и «любимицы». Только вот отсутствие нового товара очень сильно раздражало «крышу», и если бы подряд прошло провалов пять, то не сносить бы бандиту головы. Заменяли бы его на более изворотливого, а самого на органы бы разобрали. Раз в месяц в стаб прибывала колонна из крутой бронетехники с солдатами в спецкостюмах и противогазах, с дронами и ракетами. Они забирали «товар», взамен привозили элитную жратву, выпивку, разную наркоту, в том числе и спек. Спек с недавнего времени стал для Моси основным стимулом. Ну и, конечно кое-что из снаряги – типа приборов ночного видения, хороших раций и прочего барахла под заказ для нужд стаба.

Ребят этих называли просто – внешники. Обитали они далеко на северо-западе, и были не из этого мира. В Стикс они попадали как-то иначе. Изучали его. Делали из органов иммунных свои супер-лекарства от старости и всех болезней для богачей и власть имущих своего мира. Очень боялись заразиться и ходили всегда в защите. Воевали в основном дронами и беспилотниками.

...Засмотревшись на последние обломки, упавшие всё же в речку, Мося пропустил столб пыли в начале дороги.

– Ты чё творишь! Шмаляешь, когда колонна на подходе! – заорал на него свесившийся из развилки могучего дуба Чебур.

– Не бойсь! Они далеко ещё, не поймут ничего, – парировал Мося.

Но Чебур не успокаивался.

– Если колонну сформировали, значит, матёрые. Могли в бинокль глядеть.

– Да не суетись, работаем по плану.

Мося оставил за собой последнее слово, и был не прав. Ведя колонну по незнакомой местности, Хасанов тщательно рассматривал всё на пути, и следы расстрела в почти ясном небе – заметил.

На закате растрещались кузнечики. Казалось, от их хора можно оглохнуть. Он накатывал волнами, как и жара, особенно это чувствовалось под камуфляжем, бронезилетом и разгрузкой. Запахи разнотравья были столь густы, что от них

пьянели истекающие потом бандиты.

В Улье иммунные выживали благодаря его дарам. Каждый, кто не стал «зомби», получал дар Стикса, или, как это ещё называли – умение, способность. Дары у всех были разные, иногда совсем бесполезные, а бывали, наоборот, суперполезные. В отряд к Мосе были собраны исключительно сильные иммунные, приспособленные к слаженному участию в боях.

Был тут сенс – ходячий инфракрасный радар. Был инвизер-невидимка и снайпер-глазастик – видевший вдали лучше любого бинокля и прекрасно стреляющий из снайперской винтовки. Мося был псиоником, он мог брать под контроль на некоторое время любого человека, нужно было только встретиться с ним взглядом.

Прекрасно вооружённая группа из двадцати человек засела в укрытиях с двух сторон от дороги, спускавшейся здесь в небольшую лощину.

Мося нервно поглаживал кнопку детонации первого фугаса, заложенного в конце лощины. Программа была отлажена за десятки раз. Когда колонна полностью входила в низину, подрывались фугасы под первой и последней машиной, остальные расстреливались снайперами и пулемётчиками. Людей без противогазов не трогали – это цели для псиона. Мося по очереди подчинял их и заставлял подходить к своим бойцам, где жертв связывали и оглушали глотком отравы или уколом наркоты.

Шлейф жёлтой пыли полз по дороге к засаде. Слышался нарастающий гул. Возле самой лощины всё пошло не так. Два БТРа резко набрали скорость и пошли прямо в кусты, где затаился десяток Чебура, третий БТР и «ГАЗ-66» пошли по самому возвышению второго склона. На всякий случай, или специально. Из башенки открыли огонь прямо по хорошо замаскированному в капонири сто тридцать первому «ЗИЛу». Лафет и пулемёт в его кузове жалобно зазвенели, разрываемые крупнокалиберными патронами из БТРа. Водила, сидевший за рулём, среагировать не успел, и сейчас в виде кровавой каши вытекал из кабины. Мося запаниковал и нажал сразу все кнопки на пульте. Из лощины пришла взрывная волна, оглушительный удар; потом всё засыпало падающими кусками грунта и песком. Остальные три грузовика и «буханка» в засаду не лезли. Разъехались по полю; с них попрыгали на землю и залегли солдаты в противогазах. Мося, как и все, немного оглушённый, в туче поднятой взрывом пыли ничего не видел. В суматохе потеряв направление, он побежал подальше от проваленной засады. Постепенно слух возвращался. Стала слышна беспорядочная стрельба, выстрелы из подствольников и взрывы гранат. Отбежав достаточно далеко, бандит пока решил не валить отсюда, а посмотреть, чья возьмёт.

Подсолнухи росли пышные, и Мося понял, что забежал слишком далеко. Отсюда уже не разобрать, что твориться вокруг лощины. Стараясь не задевать стеблей, не торопясь,

главарь приблизился к краю поля. Когда стало просвечивать, лёг на землю и осторожно подполз к кромке. Над головой слегка покачивались головки подсолнухов, а впереди – высокая луговая трава. Пятернёй Мося её немного раздвинул, и перед ним открылась диспозиция. Туча пыли, поднятая фугасами, отползла и почти осела. Три горящих БТРа отбрасывали длинные закатные тени, уже на противоположном конце лощины. «Шишига» влетела в поле подсолнечника, оставив за собой стометровый коридор из примятых и сломанных растений. От кабины петлял проход поменьше – это от человека. Он и сейчас продолжал удлиняться, удаляясь в сторону от оставшихся трёх грузовиков.

Техника в капонирах была подавлена и расстреляна. Что-то горело.

Бой отсюда переместился южнее, к залёгшим солдатам. Те, прижатые огнём к земле, вяло отстреливались вслепую. Там был заросший кочками луг возле реки. Оставшиеся люди Моси разумно не били по грузовикам. До города пятьдесят, до стаба двести километров. Никто не хотел топать в город за техникой или к себе в стаб обратно пешком.

Бинокль позволил разглядеть оставшихся бандитов. Два пулемёта РПК у Зямы и Рябого. Мажор ползёт от разбитых грузовиков к Зяме и волочёт цинк с патронами. Малыш в закрытом от обстрела секторе за толстым стволом; подсаживает на дерево невидимку. Того не видно, но вот сама собой поплыла наверх снайперка СВД и исчезла. Единствен-

ный инвизер у них – Француз. Седой, Пиндос и Прапор постреливают по кочкам, не давая даже высунуться вжавшимся за ними в землю солдатам. Больше никого не видно, наверное, остались лежать вокруг бывшей засады. Судя по всему, воякам крышка, как только Француз возьмётся за дело со своей господствующей высоты; остальные дождут.

Но не успел Француз начать, как вдруг совсем неожиданно перед позицией Зямы с доползшим к нему Мажором вырос, как из-под земли, спецназовец без противогаза. В сторону Рябого полетели «лимонки». И сразу же боец опорожнил свой магазин в опешивших бандитов. Спецназовец не знал, что его противники рассчитывали на способность Мося и поэтому промедлили с выстрелами по ценной «скотинке». А они просчитались дважды: и псион сбежал из боя, и солдат был не иммунным. Он просто верно оценил ситуацию: конец был в любом раскладе. Нужно было дать возможность своим ребятам хотя бы поднять голову и перехватить инициативу. И он подарил им этот шанс.

Французу пришлось резко сменить цель, водителю «буханки» повезло, а вот в жизни героя-спецназовца была поставлена точка.

Мося, оказывается, лежал на муравейнике, и твари уже начали грызть грудь и шею. Чертыхаясь, бандит убрал бинокль и немного сместился на борозду без муравейников.

Тем временем все вояки воспользовались получившейся паузой в обстреле и высунулись: две группы по четыре че-

ловека открыли огонь по остаткам банды и заставили теперь уже муров залечь и не высовываться. Ещё две группы начали под прикрытием менять позиции – по трое побежали к большим кочкам метрах в двадцати перед собой и залегли там. Открыли шквальный огонь из РПК по вскрывшим свои позиции автоматчикам бандитов. Под этим огневым прикрытием предыдущие две четвёрки перестали стрелять и начали обходить противника с флангов. Как только они залегли на новых позициях, тройки из-за кочек вновь сорвались с места и приблизились практически вплотную к Седому, Пиндосу и Прапору. Открыв взаимный кинжальный огонь, разменялись три в три. Рябой и Зяма не подавали признаков жизни, а вот Мажор, успевший прикрыться трупом Зямы, очухался и, взяв в руки пулемёт, встал в полный рост, врубил свою способность отвода глаз, начал поливать смотрящих на него и не видящих его спецназовцев. Бездарно полегла и вторая тройка. Француз тоже времени не терял, превратив прикрывающие солдат четвёрки – в тройки. Но солдаты его срисовали и вжались за кочки, уйдя из-под обстрела, не забывая вслепую постреливать по дубу. Дар со снайпера теперь спал. Чтобы не быть лёгкой целью, он сменил дерево на ближайшие кусты. Малыша не было видно. Сенс был самым ценным кадром любого отряда, и их всегда берегли больше всего.

Брошенные солдатами дымы закрыли их от снайпера и пулемётчика. Вот бы Малыш сейчас помог, подсказал... Но «подсказал» он Мосе. В затылок упёрся ствол.

– Гнида! Ты чего свалил, я тебя спалил с самого начала.

Крыса!

Мощный удар пяткой тяжёлого берца в почку заставил Мося скрючиться от боли и перевернуться на бок.

– Братва полегла, вся связь на тебя завязана, а ты молчишь, рацию бросил, ничего не делаешь!

Долго он говорил. Покуражится хотел, наверное. Мося поймал взгляд Малыша. Тот заткнулся и выпрямился, перенаправил пистолет, приставил его к своему виску. Из голубых глаз жертвы потекли слёзы, рука задрожала от страшного напряжения, другая беспомощно сжимала и разжимала веснушчатый кулак. Грянул выстрел. Начинка головы сенсаконусом вылетела на большие зелёные листья ближних подсолнухов.

Жаль, но своя шкура дороже. Хочешь убить – сначала стреляй, потом говори. Стикс таких глупых ошибок не прощает.

Та-ак... А ведь сенсу пора было принимать жемчуг для очередного усиления дара. Краем уха Мося слышал, что в свой последний визит внешники привезли для раскочки основных бойцов немного жемчуга. Ага! Вот и она, родимая, на шее Малыша в обереге лежит. Красненькая – хотелось бы чёрную, с красненькой есть малый шанс очень сильного, уникального дара или большой шанс какой-нибудь бесполезной ерунды. А вот чёрная – гарантированный добротный дар, и практически без риска. Сейчас её выпить или по-

том? Опасно вот так просто принимать жемчуг – велик риск стать квазом. Кваз по виду – как развитый заражённый, но при этом человек. А под опекой знахаря приём будет безопасен. Знахарка в Муравейнике есть, но задаст ненужные вопросы... Нет, светить жемчужину в стабе нельзя – спалят. Пусть пока просто полежит. Красный шарик отправился в декоративный стаканчик зажигалки «Зиппо» к другим менее ценным припасам – гороху и споранам.

Во внутреннем кармане Малыша прощупался шприц. На свет его. Внутри – характерная оранжевая жидкость, всего один кубик. И Мося не устоял: спек всё чаще и чаще действовал на него необычно, он как будто попадал в призрачный мир. В совершенно обыденных местах ему виделись картины бывших здесь некогда кровавых жертвоприношений, он слышал невнятный шёпот, но никак не мог разобрать его смысл. И всегда казалось, что он вколол себе недостаточно, или чего-то не сделал, чтобы понять смысл этого шёпота. И была уверенность, что это слова истины, которые позволят ему постигнуть сущность мира Стикс и стать очень могущественным.

Когда он рассказал о своих видениях знахарке, она сказала, что учение килдингов поможет ему ответить на эти вопросы, но что делать, пояснить не смогла, посоветовав впредь поменьше баловаться спеком. С тех пор Мося хватал каждую крупицу знаний об этих килдингах, читал каждую бумажку, говорил с каждым, кто видел места их кровавых

месс, но толком ничего значительного пока не узнал.

Воспоминания промелькнули, начался приход, боль от отбитой почки прошла. Мося снова взял бинокль. Солдат опять не было видно. Мажор валялся в неестественной позе, пулемёт лежал рядом. У Француза или откатил дар, и он опять был в инвизе, или снайпер занял скрытую от Моси позицию. А вот «буханка» мчалась прочь от места боя, прямо по лугу к посадкам подсолнухов, почти к лёжке Моси. Надеялись затеряться в высоких зарослях.

За рулём был «свежак»! Значит, там нет солдат. А может, и мирняк иммунный, бабы! Сколько там? Только бы выгорело! Потом ещё одно дельце не забыть сделать, и можно будет в стаб.

Мося подорвался и, забыв о недавней боли, помчался наперерез, через трещащие стволы подсолнухов. Он успел, и забросив за спину свой АКСУ и бинокль, бежал уже в открытую вдоль посадок по опухавшему от пала небольшому валу и махал раскрытыми ладонями.

«Ну же! Взгляни на меня, малыш!» – молил про себя Мося. И «свежак» сделал это.

Машина развернулась и подъехала прямо пассажирской дверью к бегуну. В салоне орала рация.

– Куда ты, идиот! Ты без охраны, вернись к машинам!

Мося влез в салон и щёлкнул тумблером лежащей на пассажирском сиденье чёрной прямоугольной коробочки. Гневный голос утих.

Бандит повернулся в салон.

– Не бойтесь, вы в безопасности – ФСБ, – сказал Мося ещё не восстановившимся от бега голосом.

Сердце у него радостно сжалось. В салоне сидела классная тёлка, как раз на его вкус, правда, уже немного подрихтованная Ульем. Вон, синяк на шее здоровенный и колени в крови. Рядом сидела полноватая продавщица или медсестра в бывшем когда-то белым халате – эту в бордель. Напротив два крепких мужичка: один в костюме, другой в спецовке слесаря. Будут с хорошим регеном для фермы. На полу лежал без сознания раненый солдат, противогаза у него не было. Тоже иммунный, раз ещё не отрегенил и не обратился. Оружия ни у кого не видно, лица у всех затравленные. Вошла на вид молодой, белобрысый парень с прозрачными водянистыми глазами навывкат, неприятный и странный. Этого – сразу на разборку.

Нежный, почти детский голос из салона спросил:

– Куда мы теперь?

– Как куда? Еле отбились от мародёров. Как война – так и они вылезают. Представляете, ходят рядом с вами обычные граждане, а как дай власть слабину, так и вот что творят! – воскликнул Мося.

– Но вы не переживайте, дальше трасса под контролем. Я уполномочен доставить вас в эвакуопункт. А там уж начальство разместит и обеспечит, как говорится.

Проглотив окончание, бандит закончил. Парень хотел

уступить баранку, но Мося остановил его жестом:

– Погодь! Тут военное положение, сам понимаешь, а колонну сдали, как видишь. Так шпиона надо ликвидировать, чтоб спокойно доехать. Давай, двигай вдоль подсолнухов за тот курганчик, на котором толстое дерево растёт.

Парень скрипнул рычагом ручника и завёл заглохший УАЗ. Рессоры скрипнули, и машина двинулась.

Дымы всё ещё скрывали три «шишиги» и оставшихся солдат.

Солнце зашло, кузнечики затихли. Настали сумерки. Трещала догорающая техника.

Немного подкрутив рацию, Мося настроил её на частоту своей группы.

– Француз, Француз, это позывной Мося.

Рация откликнулась сразу.

Но Мося предусмотрительно попридавливал несколько раз кнопку рации, чтоб забить поток ругательств со стороны Француза. Наконец по тональности стало понятно, что монолог может перейти в конструктивный диалог. И, зажав кнопку, Мося доложил:

– Позывной Француз, это позывной Мося, задание выполнено. Гражданские у меня в количестве шести человек, транспорт тоже. Нужно возвращаться на базу размещения.

Прошли помехи, и Мося продолжил:

– Пусть военный конвой возвращается в Рынск. Где тебя подобрать?

Рация проскрипела:

– Ты с клиентами?

– Да.

– На «буханке»?

– Да.

– Вижу вас, ждите тридцать секунд.

– Понял, конец связи.

Мося понимал, что, если Француз доберётся до стаба – а в том, что он доберётся, сомнений не было – то ему, Мосе, конец. Если же Мося выживет один, то общество примет любую его версию. Вопрос, просёк ли фишку Француз? Добычу-то он не упустит. А вот когда Француз вальнёт Мосю? Сразу или перед стабом. Сразу – спугнёт иммунных. Не-ет, не станет. С другой стороны, он знает дар Моси, и может побояться и рискнуть всё же сейчас. Дар у Моси ещё не откапал, но «свежаки» прогружены и на его стороне. Так что у Моси был вариант валить Француза только сейчас. Тот подхватил спектакль в радиоэфире, значит, хочет сохранить новичков, и придёт, но будет настороже.

* * *

Француз был снайпером ещё оттуда – с другого берега Стикса. И «читал» он противника даже без спецдаров. Здесь его чуйка только усилилась. В последний момент, при вхождении в зону видимости «буханки», до него дошёл весь рас-

клад; Француз ушёл в инвиз и замер, чтобы даже шевеление травы не могло его выдать. Палец отключил зажатую в руке рацию. Затем снайпер сменил её на СВД и в прицел разглядел кабину. За рулём был белообрый парень.

* * *

– Не прокатило, – подумал Мося. Пригнувшись к полу, он сказал парню:

– Трогай! От дерева, от дерева, быстрее! Вдоль подсолнухов!

Пуля пролетела в разворачивающуюся машину. Чиркнула по пригнутой спине, разорвав кожу. В салоне кто-то приглушённо ойкнул. В зеркало заднего вида Мося увидел проявившегося за деревом Француза. Тот отточенными движениями перезаряжал так некстати закончившиеся патроны.

Какая-то странность покорила сознание. Мотнув головой, Мося снова посмотрел на промелькнувший ряд подсолнухов. В сумерках всё же была видна голова с торчащим сбоку фильтром. Для Моси всё стало ясно: это тот придурок с «шишиги» выбулил, что забурилась в эти подсолнухи в самом начале боя.

Немного помешкав, солдат перевёл ствол с «буханки» на Француза и дал длинную очередь. Сосредоточенный снайпер уже вёл обречённую цель. Смерть для него стала неожиданностью.

Когда проехали пару километров, поле кончилось, и Мося похлопал водилу по плечу.

– Хорош, парень, где так хорошо водить научился? Ладно, отдохни. Дальше я поведу. На вот аптечку, напихай мне ваты этой под форму на спине, закрой царапину. Приедем, на медаль тебе представление напишу.

Парень, и так бледный, побледнел ещё сильнее при виде пропитавшегося на спине кровью камуфляжа. «Слабак!» – подумал бандит, и пригубил из фляжки, капнув немного и на вату.

– Тут мужчину убило, – сказал удивительно хладнокровно всё тот же милый голосок. В этом был какой-то диссонанс.

Мося закурил не спеша. Живительное тепло разливалось по жилам, заглушая боль в отбитой почке и поцарапанной спине.

«Пожалуй, трупача надо сбросить, ехать прилично ещё, завоняется. А солдатику дам своего эликсира, чтоб не окочурился. Остальные перебыются, живца самому мало».

Весь в своих мыслях, бандит зажевал окурок в уголок рта и молча открыл заднюю дверь. Тут же, не глядя, он ухватил за ноги мёртвого «пиджачника», закричал от натуги и вытащил его на дорогу, сплюнул рядом с плюхнувшимся безжизненным телом свой бычок и, рутинно захлопнув дверь, пошёл в кабину.

Глаза же его всё это время не отрывались от ножек брюнетки. Правда, мельком скользнули на грудь и личико. Де-

вица равнодушно сидела, как в троллейбусе, будто ничего из происходившего её не касалось – и упорно смотрела перед собой.

Мося погнал машину, и одинокий труп на дороге вскоре превратился в маленькую точку.

– На, капни раненому в рот, – уже из кабины, на ходу бандит передал девчонке в салон свою фляжку. Та приняла её нерешительно. Увидев в зеркало, что девчонка быстро, не прикасаясь к горлышку, плеснула себе в рот немного содержимого фляжки, Мося неожиданно повернулся.

– Ну как? – вопрос прозвучал неоднозначно.

Девушка уже аккуратно капала жидкость из фляжки солдату в растрескавшийся и пересохший рот.

– Что это? – вопросом на вопрос ответила воровка живчика.

– Это живец, милая... Хорош ему, – Мося протянул в салон распахнутую руку. Брюнетка вложила в неё флягу, слегка прикоснувшись пальчиками к Мосиной ладони. По коже пробежало электричество, накатило странное чувство блаженства. Руль в левой руке дёрнулся. Опомнившись, псевдофээсбэшник серьёзно испугался. Газ был придавлен сильно-вато, машина ревела и набирала скорость. Затрясло.

– Что такое живец? – прозвучал новый вопрос девушки.

Ой, блин! Как бы она нимфой не оказалась, возьмёт под контроль на раз-два.

Мося снизил скорость, включил фары. Серая лента доро-

ги споро летела под колёса. Летели и мысли в голове. Псион против нимфы никто. Может, она и не законтролила его с первой попытки, потому что он псионик. Может, она, конечно, и не нимфа вовсе. Нимфы мужиков порабощают и по одному, и толпами; месяцами могут ими управлять. А он может лишь ненадолго подчинить себе любого пола человека, и надо при этом в глаза ему посмотреть.

Пауза затянулась. Она могла стать неловкой, а сбрасывать маски Мося пока не хотел. Едут спокойно, не дёргаются. Автоматом помахать перед носом он всегда успеет. Но решение для себя бандит принял: рисковать не будет. Лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть. Он и сейчас думал только о ней – признаки ли это её влияния, как нимфы, или просто так, наверняка сказать было нельзя. Ладно, в стабе разберёмся, решил он.

Чтобы потянуть время, выругался, будто что-то с машиной. Погазовал, попереключал передачи, поревел мотором. И, как бы успокоившись, вернулся своим вниманием к девушке.

– А? Что? – переспросил он свою собеседницу.

Девушка повторила вопрос более развёрнуто:

– Я говорю, что такое живец? Это сорт коньяка?

Внешники подгоняли неплохой коньяк. Из него и мутил себе живца Мося, смешивая с ним шарики-спораны, что вырастали в наростах на головах развитых заражённых. Им-мунным обязательно надо было употреблять этот напиток,

иначе их ждали ослабление способностей и регенерации, потом головные боли, нестерпимая жажда и смерть.

– Да! Это мне товарищ из Греции привёз, в дьюти-фри в тамошнем аэропорту взял. Оживляет, я тебе скажу... Сказка просто, – жизнерадостным тоном ответил Мося. «Я вас всех, как приедем, угощу». Тут до него дошло, чего девка тогда отпила из его фляги – она просто жутко хотела пить. Споровое голодание у неё. И сейчас они все набросятся на воду. Надо только туда снотворного накидать, смекнул он. Так, воды у него полфляжки всего. Каждому надо по два «колеса», солдат не в счёт. Значит, закидываем восемь таблеток. Да чего уж там, все десять свалились. Залетело так залетело. Одной рукой управляя машиной, другой он болтал, как шейкером, своей водяной фляжкой. И спросил:

– Пить, наверное, хотите?

Какое-то мило-жеманное, застенчивое «да!» вернулось из салона.

Мося протянул кончиками пальцев флягу с растворёнными таблетками.

Тишина. Потом раздались тяжёлый выдох и ускоренное радостное:

– Спасибо! А вы вроде на ты со мной были?

До Моси вновь допёрло: или девка дура, или пьяная с того глотка живчика.

Он повернул голову в тёмный салон и глянул в глаза девушки. Та неуверенно протянула ему пустую фляжку.

Кажется, по его взгляду она что-то поняла.

– А я думала, это вы только мне дали.

Мося чертыхнулся. Продолжая ехать на автопилоте, минут с десять он пробыл в некоем подобии транса, потом огласил округу визгом тормозов, и в заносе остановил машину. Глушить мотор не было времени. Он перелетел в салон. Милашку бил эпилептический припадок, изо рта шла белая пена. Перехватив лёгкое тело поперёк, Мося перевернул его и бросил себе на согнутое колено, впился стальными пальцами в щёки девицы и разжал ей зубы. Двумя пальцами другой руки добрался до горла и надавил на основание языка. Пришлось там поелозить. Спазм дёрнул тело, и изо рта, наконец, вырвалась рвота. Содержимое выпитой фляги полилось на пол буханки.

Перекрикивая рёв мотора, Мося заорал:

– Не то дал! Она ж, дура, коньяк весь выжрала, много ей надо?! А вы чего сидите, молчите! Даже не помогли ей!

Замершая белохалатница только лупала глазами, а мужик в спецовке тихо матерился себе под нос. Беловолосый парнишка беспомощно размахивал длинными руками, но членораздельного ничего не сказал.

Мося взял девушку на руки и отнёс на переднее сиденье. «Как бы не очурилась. Тело хорошее. Надо поспешить».

* * *

Поле боя осталось за группой Хасанова. Ночью при свете звёзд оставшиеся солдаты собрали трофеи и решили ехать обратно в Рынск. В паре рюкзаков убитых бандитов были найдены небольшие книжицы и «Буклет для начинающих иммунных». Перспективы найти Североармейск растаяли после первого же беглого взгляда на буклет. В нём был дан весь простой расклад по тому миру, в каком они оказались. Новая информация была жизненно необходима оставшимся в части и городе людям. Решили ехать до расстояния устойчивой радиосвязи и сразу же начинать передавать добытые знания.

Глава 4

Первое утро

Я проснулся, как только первые лучи солнца стали проникать в щели моего убежища. На магнитоле было семь утра. «Электроника-53» не подавала признаков жизни. Очень сильно хотелось пить. Голова просто раскалывалась. Я взял единственный источник влаги в моём убежище – банку с зелёным горошком, проткнул уголком острия топора две дырки в жестяной крышке – одну для воздуха, другую для вытекания рассола – и весь его с жадностью выпил. На десятой банке я понял, что скорее лопну, чем напьюсь. Это было странно. Потом я принял, как и вчера, таблетки от головы. Есть не мог, тошнило даже от одной мысли о еде. С головой было что-то не так. Я прекрасно помнил, как обращаться с инструментом, оружием, автомобилем, сохранились все навыки и умения. А вот лично о себе, своём имени, родственниках – в памяти ничего не осталось. Амнезия какая-то. Была, правда, в голове цель – прояснить, наконец, судьбу своих отношений с Алёнкой, объясниться ей в любви. А там – будь что будет!

Соображал я плохо. Взгляд снова упал на приёмник в машине. Я включил его.

– ...сему гражданскому населению. Сбор уцелевших в во-

енной части на КПП. Не пытайтесь самостоятельно покинуть город. Здесь вам будет обеспечена охрана, питание и медицинская помощь. В дальнейшем – эвакуация в безопасный район. Внимание! Всему гражданскому насе...

Я отключил приёмник.

Медицинская помощь – это хорошо. Охрана – тоже. Наверное, вчера солдаты меня приняли за зомбака. Ох! Как же плохо. Надо двигать всё же к этому КПП. А чтобы у них не было сомнений, что я не ходячий безмозглый, труп – поеду на машине. Может быть, и Алёнка там. Ведь как раз, когда всё это началось, она должна была ехать где-то в районе ворот воинской части.

Я извлёк заряженный обрез, положил на соседнее с водительским сиденье. Надел поверх «Пумы» хозяйский новенький комок, ещё пахнувший маслом от швейной машинки из какой-нибудь женской исправительной колонии, где их шили заключённые. Опоясался патронташем. За пояс заткнул топор.

Утреннюю тишину огласил резкий скрип открывающихся ворот. Вокруг никого, даже трупы на перекрёстке исчезли. Под ногами, оказывается, валялись какие-то сгоревшие бумажки, они захрустели и рассыпались в чёрный угольный прах. Я потопал, очищая обувь перед дверью, и сел в машину. Не медля, завёл «Ниву» и, стараясь придерживаться второстепенных дорог, погнал как мог. Оказывается, звук мотора для заражённых был как красная тряпка для быка. Уже

через пару кварталов за мной бежали, прыгали и даже ползли жадные до живой еды мертвецы. Заглохни сейчас мотор, или не справься я с управлением, и мне тут же настал бы конец. Но это было ещё не всё. Войдя в очередной поворот, я увидел пикирующего на меня с ближайшего балкона жилистого мертвяка с гипертрофированными челюстями, когтями и ногами. Этот прыгун упал на крышу моего авто, пробив её своими мощными пальцами. И таким образом закрепившись на ней, он стал пытаться, как тот терминатор, прорваться ко мне в кабину. Приблизительно поняв, где находится атакующий, я сделал выстрел прямо сквозь крышу. Мутант кубарем покатился по асфальту, бодро подскочил и возглавил толпу моих преследователей. Теперь я старался держаться середины улицы, вдали от припаркованных грузовиков и разных построек. Этот урод, даже раненый, упорно сокращал расстояние. Кое-как, зажав обрез коленями, я смог его перезарядить, и выстрелил прямо через заднее стекло. Салон опять наполнился едким запахом пороха. Стекло растрескалось, но не высыпалось, лишив меня обзора сзади. Я снова перезарядил обрез – рука ныла от отдачи, но я был неплохим подающим в волейболе, и на хлипкость рук не жаловался. Хотя даже для меня отдача была сильновата. Триплекс осыпался, и в салон проникла скрюченная когтистая лапа. Я развернулся, выбросив перед собой руку с обрезом – и как раз вовремя. Вслед за передними конечностями ужасная образина показалась в проеме задней двери. Я выстрелил

ей прямо в лоб. Продырявленная голова скрылась из вида, а вот лапы так и не отцепились. Моё секундное отвлечение чуть не обернулось новой катастрофой. Наперерез с перпендикулярного проспекта выскочили тонкокостные длиннолапые и быстрые зверюги. Я даже не успел ничего понять, самая быстрая с хрустом шмякнулась о бампер и ушла вниз, машина подскочила. Вторая, прокатившись по капоту, выгнула внутрь потрескавшееся лобовое стекло, царапнула по крыше и через мгновение закувыркалась позади. Затем её накрыла волна моих преследователей. Я и без того потерял контроль над машиной после прыжка, так ещё и обзор пропал. Высунув голову в боковое окно, я выровнял пляшущую «Ниву», и удачно проскочил между двумя брошенными машинами, переключил передачу и бросил рычаг. Обрез куда-то пропал, поэтому, ухватившись зубами за рукав комка, я натянул его на руку, сжал в кулак и несколькими отчаянными ударами выбил обвисшее стекло. Проспект я уже проскакивал, бежавшие наперерез стали сминать бежавших за мной задохликов. Да, да, те на фоне этих горилл выглядели именно так. Сначала моё сознание не восприняло картинку справа, на промелькнувшем широком проспекте. Это была бесконечная шевелящаяся масса. Как ни странно, ни страха, ни паники у меня не было – скорее отрешённость и сосредоточенность. Я как будто летел на сноуборде с горы. Может быть, такое же чувство испытывают и сёрфингисты, оседлавшие хорошую волну.

С прицепом и кортежем из своры монстров я пронесся через распахнутые ворота КПП. Навстречу мне пролетело несколько наводящих трассеров, а за ними свинец полился потоком: с крыши здания за вторым КПП работало что-то тяжёлое и очень скорострельное. Всё это пронеслось надо мной, и устроило в тесных для такой толпы воротах кровавую мешанину. Ворота второго КПП раздвинулись, и я проскочил в них. Очутившись в техзоне, я увидел машущего мне солдата, прижал машину под одним из забаррикадированных окон и прошмыгнул внутрь. Бой тем временем разгорался. Я подумал, что меня обвинят в том, будто это я притащил хвост. Но ничего такого не было. Рядом уже мелькали солдаты, все в противогазах; один из оборонявшихся здесь офицеров показал на ящики с лентами и патронами и приказал таскать их наверх. И я стал подтаскивать боеприпасы к пулемётчикам на крыше. Но, честно говоря, силы мои здесь закончились, на третьей ходке я просто свалился под тяжестью очередного цинка с патронами. По всей видимости, к этому времени где-то провернулись нужные шестерёнки, и решение на мой счет было принято. Подбежал тот же офицер, отдал мне рацию.

– Вот сюда нажимаешь и говоришь, отпускаешь – слушаешь. Понял?

Я кивнул головой. Красные точки на чёрном фоне закрывали мне обзор. Звуки как бы проходили сквозь вату и, приглушённые, касались моего сознания.

– Парень, как тебя зовут? – рация ожила.

Я не сразу понял, что обращаются ко мне.

– Я не помню! – честно ответил я.

– Это нормально. Так и должно быть. Тебе хреново? Пить сильно хочешь? Голова болит?

– Да.

– Слушай! Сейчас тебе принесут флягу, выпей из неё глотков пять. Потом, как снова станет плохо, пей по глотку. Это хорошо, что ты притащил на своей машине развитого заражённого. Мы смогли быстро сделать тебе лекарство. Потом всё объясню.

Ко мне уже подошли два офицера. От их рук сильно пахло спиртом, в руках одного ещё истекал влагой белый платочек. Офицер что-то докладывал по рации. Другой протянул мне флягу в мокром от пролитого спирта брезентовом кожухе. Характерный запах не обманул: первый глоток обжёг горло, я закашлялся, с силой вдохнул носом. Из глаз потекли слёзы, но, как ни странно, сразу же стало лучше. Я не верил ощущениям своего организма – энергия начинала наполнять меня. Я выпил рекомендованное количество и встал.

– Да, да, иммунному значительно легче, – докладывал по рации один из офицеров.

Моя рация снова ожила:

– Как самочувствие?

– Отлично, это что, спирт с чем-то?

– Да. На затылке заражённого есть споровый мешок. Там

паутина и горошина спорана. Споран надо растворить в спирте или водке, процедить от осадка – заметь, обязательно – и пить по паре глотков в день. Иначе сдохнешь. Теперь тебе это пить всегда надо будет. Это «живец» называется. Вешай флягу себе на пояс.

Я пропустил ушко кожуха фляги в патронташ и застегнул его.

– Ещё раз попробуй вспомнить, как тебя зовут? Я Стариков!

– Плохо всё помню. Калина, Калинин – как-то так, вроде. Тем временем офицеры, получив новые указания, покинули меня.

Я спросил у всезнающего незнакомца:

– Вы назвали меня иммунным. Есть здесь ещё иммунные?

– Были. Колонна с ними ушла на север, но операция провалилась. Их отбили у нас какие-то террористы. По всей видимости, иммунные здесь представляют большую ценность.

– Списки есть?

– Есть. Как я полагаю, 99 % иммунных погибли в городе ещё вчера. У нас их всего-то пять было. И то, это те, кто был возле ворот части, когда всё это началось. Ну, ты теперь шестой. Как ты уцелел вообще?

– Это долгая история, но чудом, это точно. А там были девушки, вернее, девушка?

– Да. Две женщины. Нина Соболев и Алёна Смоловская.

У меня всё рухнуло внутри. Но я ведь так и чувствовал,

что она здесь.

– Погоди, парень... э-э-э... Калина – позывной твой будет. Тут на камерах что-то не то...

Я поднялся на крышу, и понял, что рано обрадовался своему чудесному спасению. Серо-чёрная масса перерождённых, несмотря на потери, прорвалась на территорию части и заполнила собой всё пространство от первого до второго КПП. Солдаты в противогазах уже не могли стрелять из перегревшихся тяжёлых пулемётов. На паре из них прикручивали последние запасные стволы. Нежить упорно лезла через забор. Когда крупнокалиберные «Корды» замолчали, из окон второго этажа вступили в дело «калаши» и РПК. В грохоте боя я расслышал команду по рации: «Разрешаю применять ручные гранатомёты с термобарическими зарядами». Тут же в люк на крышу стали подавать длинные цилиндры одноразовых гранатомётов. Спецназовцы проворно снарядили это незнакомое для меня оружие и с плеча выстрелили. Струи пламени рванулись вперёд и назад. Ракеты полетели веером, потом над толпой зомби воздух буквально взорвался. Яркие вспышки и пламя; хлопки заглушили все звуки в округе, и тут же прогрохотали повторные выстрелы. В рядах нападающих образовались громадные проплешины. Орда на миг дрогнула, но на место расплётённых в кровавую пыль и сожжённых монстров вставали новые. Они упорно пытались добраться до нашего «бастиона». На горизонте я увидел, что ряды нападающих редеют; это заметили и другие.

Немного приободрило, когда вновь заговорили «Корды». Их трассы пробивали ходячее мясо десятками тел. Гранатомётчики вновь вернулись к своим автоматам, успокаивая наиболее приблизившихся одиночек.

Рация вновь зашипела:

– Парень, ты знаешь, где вторые проходные завода?

– Да.

– Там грузовик «ГАЗ-66» с пулемётом «Корд» в кузове на станине. В общем, ребят наших... твари всех пожрали с машины. Это группа Хасанова была. Там у них в рюкзаках и в бардачке лежат книги очень важные. Мне по рации передали часть текста из них. Тебя вылечили по рецепту оттуда. Возьми их и прочти. Это очень важно для нас, может быть, эта информация поможет нам выжить. Попробуй доставить эти книги нам.

– Но как я отсюда выберусь?

– На север от здания есть люк коллектора ливневой канализации. Спустишься туда. Там труба широкая, двухметровая; она идёт к отстойнику на дне оврага. С километр пройти придётся. Я по камерам вижу, что там чисто. Свет горит. На выходах к ливневым колодцам есть решётки с навесными замками. Сломаешь их как-нибудь. Потом по дну оврага...

Я перебил:

– Знаю. Я там в детстве лазил часто. Километр вдоль ручья. Потом по зелёной железной лестнице поднимаюсь на правый склон. Заросший парк и бетонный забор. Там парковка

будет перед вторыми проходными завода, и трасса на Североармейск.

– Всё верно. Получишь автомат, два магазина к нему, пару гранат, фонарь и рацию. Капитан, слушаешь?

Капитан ответил:

– Слушаю!

– Выполняй!

– Так точно!

Я вновь вернулся к беседе:

– А почему своих не пошлёте туда?

– Я доверяю моей интуиции, благодаря этому мы всё ещё живы.

– И только-то?

– А что? Ты с пулемётами на ты? Или с гранатомётами?

Откуда?!

– Нет.

– Ты иммунный, это твой мир, а не наш. Это и тебе надо не меньше, чем мне. Здесь же от тебя толку нет!

– Ну, в принципе, да. Согласен!

– Тогда ноги в руки, и двигай! И если я в тебе не ошибся, ты ещё очень сильно нас выручишь.

– Не подведу! Спасибо за живец и вообще за всё, что спасли меня, и всё такое...

– Давай, парень! У нас мало времени, а мы так и не узнали от Хасанова, как получить вакцину для не иммунных. Он просто не успел дочитать.

Я быстро спустился вниз. Капитан, стоящий возле кучи снаряжения в просторном ангаре, призывно махнул рукой. Мне пришлось оставить свой драгоценный костюм «Пума» и охотничий комок, избавиться от китайских тапочек, и облачиться в казённую военную форму. Вот и чёрный ход. Сразу за ним круглела на асфальте чугунная крышка канализации. От живца из спирта меня развезло – как бы и не беспокоили канонада и взрывы. Подумалось только: «Хорошо, что оттуда в нас не стреляют. В очередь, такие-то дети! Подходи на раздачу!». Крошилово продолжалось. Я же приподнял уголком топора крышку люка и немного сдвинул её, чтоб она обратно не легла в паз. В образовавшийся зазор я аккуратно просунул пальцы и поставил тяжёлую чугуняку на ребро, потом немного откатил и отпустил. Крышка с характерным грохотом упала на асфальт, а я по вмурованным в шахту люка ржавым скобам начал свой спуск. Вспомнилась песня про бомжа, люк и прекрасную жизнь.

Внизу меня действительно ждал ряд включённых водонепроницаемых тусклых фонарей под сводом, а также и первая видеокамера. Труба действительно была под наблюдением. Рация сюда не пробивала. Так что я просто махнул в камеру рукой и вошёл в трубу.

Глава 5

Стаб муров

Есть такой дар иммунным от Улья – ментат. Такие люди всегда ценятся сообществами выживших. Ни один стаб не сможет достаточно долго просуществовать, если в нём не поселится ментат. Это своего рода ФСБ: все мысли, прошлое, всё, что есть в голове других иммунных – доступно такому человеку. Некоторые могут читать их даже издалека; кто послабее из ментатов, тот должен видеть испытуемого. Самые сильные могут не только читать, но и закрывать часть информации в головах своих целей. Сильнейшие же могут видеть и даже снимать такие блоки. Естественно, против заражённых ментаты были бесполезны, и чаще всего погибали в первые же часы после переноса – в отличие от людей, имеющих какие-нибудь боевые, а лучше – спасательные дары. Но уж если они попадали к группе выживших, их холили и лелеяли, всячески помогая усиливать их дар. Ведь они защищали стаб от предателей и злоумышленников, проверяли данные от прибывших на дезинформацию, находили преступников. Они делали ментальный снимок каждого: теперь уже никто и никогда не мог выдать себя за другого. Почти все сильнейшие в той или иной степени были посвящены в такой проект, как Институт. Остальные присоединялись к Детям Стикса –

килдингам. Первые демонстрировали научный подход, вторые – религиозный. Институт изучал Стикс. Выявлял закономерности, собирал знания. Но вот конкретно увидеть кого-нибудь из институтских или килдингов не удавалось почти никому из простых иммунных: тех иммунных, что смогли добраться до стаба и прижиться там хотя бы на некоторое время, а не тех, что перед смертью успели лишь помотаться по окрестностям своего кластера и сдохнуть от спорового голодания, или попав под перезагрузку, погибнуть от зубов заражённых или пуль и ножей муров. Эти, «свежаки», не то, что про Институт, про сам Стикс ничего не знали.

Сами же посвящённые в проект или культ свою связь с ним не афишировали. Слишком много было для этого причин, и самая главная – собственное выживание.

Ведь многие в Стиксе обожествляли его; Стикс – это святое, изучать его научными методами – святотатство. А безбожникам одно наказание – принесение их в жертву, ибо такая жертва наиболее угодна Стиксу, и он будет благосклонен за это к своим адептам. Отведёт орду или подарит верный выстрел – мало ли как может благословить Стикс.

Другие искали тайны Улья, и могли пытками заставить их выдать. Но только это никогда не давало результата. Никто не был посвящён во всё – только в своё направление. На многих стояли мощнейшие блоки. Да и присоединялись к Институту или килдингам лишь лучшие из лучших – те, которые порой с лёгкостью могли одолеть своих недоброжелате-

лей.

Мося был спокоен – ментатов в стабе не было, и прочитать его никто не мог. Вот уже и узкий перешеек между водохранилищем и мёртвым кластером. Водоохранилище прилетало раз в месяц, порой переполненное. Тогда волна цунами перехлестывала насыпь, по которой он сейчас ехал, и уходила в чёрный лес. Оттуда потом вытекали потоки жижи, похожей на мазут. Скапливаясь вдоль насыпи, жижа подсыхала, и под её растрескавшейся поверхностью неудачника подстерегала коварная и смертоносная топь.

В черноте переагрузок не бывало. Это был абсолютно чёрный и мёртвый мир, высасывающий энергию из всего, что в него попадало, и превращающий всё в уголь. Хрупкие угольные папоротники, сосны и трава – всё там стояло, не шелохнувшись. Но стоило к ним прикоснуться, как они осыпались на землю прахом. Такая же судьба ждала и любого несчастного, кто имел неосторожность сюда зайти. Заражённые избегали чёрных кластеров. Из иммунных энергия там уходила довольно быстро. Новичок вырубался за пару минут. Бывалый мог, непрерывно двигаясь, продержаться от получаса до часа. Вся электроника в черноте выгорала мгновенно, моторы глохли.

Когда «буханка» миновала опасный перешеек, показалось бесконечное высохшее поле с редкими розовыми островками цветущего сейчас вереска. За ним был уже стаб муров.

Муравейник – так был прозван этот кластер. Много кто

тут раньше жил, пока его не подмяли под себя внешники, зачистив от прежних обитателей.

И вот ограда из положенных друг на друга вразбежку легковых автомобилей в пять рядов. В некоторых верхних кабинах оборудованы огневые точки. Их можно было определить по белым и зелёным мешкам с песком, выделявшимся на общем ржавом фоне железной стены. Поверху шли спирали ленты Майера⁴. Всё это было нужно скорей не для обороны, а для того, чтобы затруднить пленникам побег с «фермы».

В рассветных лучах Мосин транспорт разглядели в оптику ещё на подходе. Охранник влез в кабину служившего воротами фургона-рефрижератора. Из выхлопной трубы вылетел густой дизельный выхлоп, и здоровая машина отъехала, освободилось место для проезда «буханки». За воротами уже нетерпеливо переминалась с ноги на ногу группа встречающих. Ублюдки готовились к ритуалу встречи, когда «скотину» «объезжают». Новичков сразу вышвыривали из машины и избивали ногами до полусмерти. Правда, женщинам «везло», но они были не рады своему везению, и их крики также доносились из беснующейся толпы. Этот раз не был исключением.

Суровый детина с брутальной мордой распахнул заднюю дверь машины.

– О! Мося! А где все-то?

⁴ Разновидность колючей проволоки.

При этом он деловито наматывал на кулак волосы медсестры. В следующую секунду женщина вылетела из салона под ноги бандитам.

– Только мясо? Наши чё? Задержались, подъедут? – покряхтывая, проговорил здоровяк, сжав в жменю одежду на груди у лупатого белобрысого парня и, приподняв его, швырнул ещё дальше первой жертвы. Парнишка улетел далеко, чем вызвал радостный рёв толпы. Мужичок-работяга предусмотрительно начал выходить сам, но заслужил такой пинок, что пройти с ускорением ему пришлось метра с три.

– Чё? Крепкий? – спросил кто-то из толпы, и точный удар в челюсть свалил мужика на землю.

Посмотрев на не пришедшего в себя солдата, залитого кровью, детина смачно сплюнул прямо на него, и обратил свой взор на брюнетку в кабине.

– Какую Белоснежку ты себе заныкал, Мося! Придётся поделиться. Наверное, по дороге останавливался уже с ней.

Мося осёк не в меру раскомандовавшегося Жбана:

– Ээ! Отвали.

Жбан и сам отвалил. Его руки ожгла необычная твёрдость и холодность, как будто за манекен ухватился.

– Эт чё с ней?

– Таблеток наших пережрала, вон, вишь, окостенела. Надо к знахарю её.

Жбан обошёл машину и, открыв пассажирскую дверь, взял девушку на руки.

– Я сам отнесу, – сказал Мося. И Жбан отдал тело ему.

– На, а то я всё веселье пропущу.

Жбану в кабине на глаза попался кусок резинового шланга. Со свистом покручивая шлангом в воздухе, он направился к измывающейся над свежаками толпе.

Мося потащил девку к жилищу Квопы, местной знахарки. За спиной начали раздаваться хлёткие удары и истошные визги жертв. Квопа стояла, облокотившись на косяк в дверях своего заведения, и щурилась на солнышко, отчего Мося казалось, что она улыбается. Может, она и улыбалась на самом деле, ведь садисткой она была редкостной. Недаром внешники направили её в эту дыру.

– Глянь-ка на эту – десять таблеток наших проглотила. Да и дар её определи, а то мне показалось, что она нимфа.

Квопа засмеялась:

– Ага, те щас все девки нимфами казаться будут. Ко мне лучше б зашёл перед рейдом.

– Ээ, нет, спасибо, зашёл тут один к тебе поиграться, еле живой ушёл потом. Вон с пленниками играй в свои игры.

Мося бросил закаменевшее тело на операционный стол.

– Так что с ней?

– Ну, от таблеток дней десять в айс-фризе будет. А потом гореть начнёт, тогда её в лёд надо кинуть будет и водой отпаивать. А так сгорит до черноты, или у внешников размораживающий спрей попросить.

Квопа зачем-то начала пристёгивать руки и ноги девушки

к кушетке.

– Осмотреть её надо хорошенько, а то вон, гляди, какая вся покусанная да побитая. Я, конечно, поработаю над ней попозже, не надо дар мне разряжать сейчас. На тех во дворе поберегу. Их надо определить, вдруг опасные.

В комнату вошёл Кучер, кучерявый чернявый малый, бывший в Муравейнике за своеобразного администратора от внешников и непосредственно директора «фермы».

Хлопнув бандита по плечу, он спросил:

– Дарова! Где народ-то? Малыш наш где, Седой?

Мося с деланным сожалением пожал плечами:

– Все там остались, под стабом. Я еле ноги унёс. Солдаты крутые в этот раз прилетели. Засаду нашу с ходу прочитали, накрыли всех разом. Я даже и не понял, как всё произошло.

Квопа тем временем довольно ловко и быстро при помощи ножниц раздела замороженную, и вмешалась в разговор:

– Оставь мне её на денёк, как очухается. Хочу послушать возможности её голоска. А этих твоих козлов не жаль, бесполезные всё равно были. Только бухали тут и воздух портили. Новых, может, получше наберём. С новыми-то всегда повеселее.

Мося махнул на Квопу рукой и почесал нос.

– Мне, как очухался, повезло. Смотрю, «буханка» со свежаками стоит сзади боя. Эти все вперёд ускакали. Только два охранника. Я их снял тихонечко под шумок. Свежакам прогнал, что я специально за ними прислан. Даже дар применять

не пришлось. Они и поверили, тихо ехали, не рыпались. А я раствор приготовил им, чтоб на всякий случай – вдруг какие дары у них неожиданно откроются. Мне эта «Белоснежка» стеклянная... – бандит указал на кушетку, – нимфой показалась. Так я им дал этот усыпляющий раствор. А у неё, видать, дар какой-то сильный – споровое голодание началось преждевременно, ну и жажда дикая, само собой. Она, в общем, всё сама вылакала...

Кучер прервал Мосю:

– Короче, ты братву всю слил... И если б без добычи вернулся, я бы тебя внешникам на органы самого сдал.

Кучер притворно-равнодушным взглядом посмотрел на операционный стол.

– Девку беру себе за то... И да, теперь тебе никаких поблажек – на «ферму» вход закрыт.

И, видимо, чтобы привлечь Квопу на свою сторону, сказал:

– Полдня Квопе дам с ней позабавиться, и всё! Жалко, у нас ментата нет, проверили бы твои слова.

Его рука тем временем прошлась по слегка небритой голубой ноге девушки снизу вверх. Его руку покалывали вставшие дыбом от всеобщей судороги волоски.

– Айс-фриз, говоришь, на десять дней. Тут в Стиксе, кто так долго живёт, имя должен получить, иначе прогневаем...

Кучер закрыл глаза и вновь провёл рукой по ноге девушки.

– Пусть будет – Стекловата.

Мося вздохнул: по ходу, всё прокатило нормально. Только девку забрали. Жаль. Ну да ладно, всяко ещё может вернуться за десять дней, и Стекловата будет его.

Квопа уже вышла на вытоптаный двор и посмотрела ожидающе на администратора и рейдера. Те вышли, и значарка заперла дверь. Втроём они направились к трофейной «буханке».

Жбан сидел на крыше и устало размазывал рукавом комка пыльный пот по покрасневшему лицу. Работяга, похожий на сплошной синяк, валялся всеми брошенный неподалёку. Медсестра исчезла из виду, но её стоны слышались из окон ближайшего дома, там же скрылась и часть толпы. Остальные пытались выковырять из-под буханки забившегося под неё белобрысого лупатого паренька, тоже порядочно огрѐбшего, но до сих пор не сдававшегося и отчаянно сопротивлявшегося. Десяток разошедшихся не на шутку пьяных рейдеров-мародѐров пытались выволочь его оттуда сначала руками – но он их успевал хватать и так выкручивать, что у пары неудачников даже были серьёзные травмы связок кистевого сустава. Потом пытались забить ногами, но он и тут не растерялся – хватал и бил голени атакующих об угол днища, пытался крутить их, получал по пальцам от других, но всё же отбивался таким образом.

У кого-то лопнуло терпение, и он побежал за пожарным багром.

– Ого! – присевшая на корточки и заглянувшая под машину Квопа удивлённо вскинула брови. – А он ментат, маленький ещё совсем, но перспективный. Его горошком покормить, он в силу и войдёт.

Кучер радостно улыбнулся.

– Вот кого мне тут так долго не хватало. С вами, с крысами, стаб развивать без ментата – что козлам капусту доверить выращивать.

Кучер наклонился и прокричал под машину:

– А ну, вылазь! Тебя никто не тронет больше. Будешь с нами работать теперь.

Парень молчал.

– Ты думаешь, мы такие добренькие за просто так? Нет. Ты должен доказать. С работягой тем знаком?

Из-под машины донеслось:

– Познакомились ночью в эвакупункте.

Кучер кинул под машину свой финский нож.

– Перережь ему горло!

Бандиты расступились. Некоторые даже прервались в доме и повыглядывали из окон.

Парнишка выполз из своего укрытия, поднял нож, какой-то пружинящей походкой уверенно подошёл к своему знакомцу, и одним отточенным движением перерезал его шею практически пополам. На серо-жёлтую пыль хлынула кровь. Всё заняло какие-то секунды.

Не такой уж парнишка был и хилый; просто носил неудач-

ный, не по размеру, спортивный костюм. Плечи широкие, длинные руки, большой рост. Сухой и жилистый. Его выпученные, почти бесцветные глаза на треугольном лице привлекали и в то же время отталкивали, как глаза змеи. На окровавленной руке татуировка: на фоне волн и восходящего солнца надпись «Петя».

– Будешь Глаз. Петя Глаз. Про Петю забудь – татуха сойдёт со временем, Стикс не любит прошлого и имён из прошлого. Просто Глаз.

Потом ещё Кучер крикнул высунувшимся в окно:

– Эта будет Медсестра. Буксируйте её в бордель.

Квопа мельком глянула на полурастерзанную, трясущуюся обнажённую женщину.

– Она человек-зонтик. От дождя может защититься. Хлам. Этот тоже был хлам, – знахарка махнула на труп работяги.

– Отнесите его на разборку, пока свеженький... – Квопа укоризненно посмотрела на Кучера: – Зря ты так. Столько крови вытекло зря.

Кучер отмахнулся.

– Так, братва. Всё, разошлись. На сегодня хватит. Все, кому положено – за работу. Глаз, пошли с нами. Дадим тебе весь расклад по теме.

Уже вечером Квопа пришла к Кучеру.

– Странно, Стекловату определить не могу. Или дар очень сильный и редкий, или состояние айс-фриза не даёт мне это

сделать.

– Ну, это скорее.

– Значит, либо айс-фриз блокирует определение, чего я не знала даже. Либо просто нужен более опытный знахарь, чтобы её определить.

Кучер согласно покивал головой.

– А что с Глазом, закончила? Дар активировать он научился? Пользуется?

– Пока только «правда-неправда».

– И то хорошо.

Кучер отвлёкся от ноутбука, справа загудел принтер, и из него начали выпадать прямо на пол листы с какими-то таблицами. Администратор крикнул в дверной проём своего домика на колёсах:

– Эй! Кто там на секе? Мутный, ты?

– Да, – откуда-то из темноты донёсся хриплый голос охранника.

– Позови Глаза ко мне. И Мося тоже пусть приходит. Прямо сейчас, понял?

– Понял, сейчас позову.

Удаляясь, зашуршали шаги Мутного.

Кучер собрал с пола бумагу и стал раскладывать по номерам страниц. Затем удовлетворённо щёлкнул степлером и кинул таблицы в верхний ящик стола.

– А что солдат, привела его в чувство? Кто он, кстати?

Квопа, уже усевшаяся на диванчик, перекинула ногу на

ногу и, поправив причёску, ответила:

– Солдат приведён на путь восстановления, сейчас в клетке в общих стойлах сидит. Думаю, за неделю дойдёт до первого изъятия органов. Возьмём что-нибудь несущественное пока – яички, наверное. А уж потом и до почек с печенью дойдём.

Знахарка сложила на груди руки и добавила:

– Дар его – ускоренная регенерация и, как следствие, высокая резистентность к боли. В общем, самое то для «фермы». Он здесь надолго пропишется.

– А как ты думаешь, военные же дальше должны были поехать, как группу Моси разделали?

– Наверяд ли. Просто не найдут наш стаб. На черноте застрянут.

Кучер встал, зевнул, потянулся и сказал:

– Надо бы всё же дозоры выставить. Малыша жалко, сенс был хороший. Так с ним бы здесь спали спокойно. А то эта электроника от внешников работает через раз.

Квопа ухмыльнулась:

– Да тут одни дебилы, они её просто нормально установить и настроить не могут.

Администратор фермы снова уселся в свой скрипучий, крутящийся стул на колёсиках.

– Скоро куратор от внешников приедет. Скажу ему, чтоб своих спецов дали нам электронику на периметре настроить.

С улицы слышались голоса. Мутный, перекинув руку

Глаза себе на плечи, вёл пьяного ментата. Мося появился неожиданно, беззвучно выскочив из полумрака двери:

– Кучер, чем обязан? Группу хочу новую собрать.

– Погоди с группой, кто с тобой пойдёт теперь? Но человек ты в нашем деле незаменимый. Будешь пока в группе Жбана ходить.

Мося вскинулся.

– Носиться по трассе, заправки выгружать... Я что, на грузчика похож?!

– Завтра валишь с ним! Там тоже народ прилетает.

– Там максимум пять человек в одной, вероятность иммунного – ноль процентов. Кого мне там контролировать?

Кучер заходил по фургону:

– Куратор будет скоро. Сенса буду просить, без него на юге делать нечего. Так что, пока всё устаканится, пойдёшь со Жбаном. Тем более, он не только по заправкам пойдёт. Караван будем собирать в стаб Грязь. С прошлых рейдов много лишнего у нас скопилось. Четыре БТР набиты снарядами под завязку; стоят, ржавеют – боюсь, как бы их растаскивать уже не начали – и там по мелочи, два ЗИЛа. Так что на сделках будешь присутствовать. Может, какого лопуха обчистим; ты знаешь, как это делается. Там и нужных людей на вырученное наймём: инвизеров, сенсов, снайперов. Тогда опять за «скотиной» на юг можно будет. Иначе внешники нас самих разделают; у них план поставок, срывать нельзя.

Глаз был заботливо усажен Мутным на диванчик рядом с

Квопой.

Мося, не найдя себе места, сел без приглашения на крутящийся стул Кучера. Мельком глянул на экран: почка, сентябрь, литры, селезёнка, кровь, требуется, поставлено. Бандит развернулся на стуле в сторону администратора:

– Так что, норму сделаем за сентябрь?

– Как? Две недели будет простоя. Должны будем, в октябре отдадим. Я поговорю с ними. Когда Слон сгинул, они пошли навстречу, – Кучер положил руку на плечо Мося: – А у меня вопрос к Глазу, чтоб, так сказать, исключить все вопросы в дальнейшем.

Глаз с усилием вышел из состояния дремоты и посмотрел на Кучера. Тот спросил:

– Правду ли говорит Мося о том, что было в крайнем рейде с ним и его группой?

Мося опешил, даже дёрнулся слегка от неожиданности.

– Не используй свой дар, – осекла его Квопа, – я всё увижу.

Она вертела в руках блестящий никелем неизвестно откуда взявшийся пистолет «Дезерт Игл».

Столкнувшись взглядом с Глазом, Мося почувствовал себя бандерлогом под взглядом удава Каа. Вся жизнь пронеслась за секунду. Вот и конец: «Кучер, падла, решил своими разговорами моё внимание притупить, типа, я ему ещё нужен».

Повисшее напряжение разрядилось через несколько бес-

конечных секунд.

– Он говорил правду.

Глаз не отвёл свой совсем не пьяный взор. Мося затравленным зверем быстро обвёл взглядом всех присутствующих:

– Ну что? Убедились? – он закашлялся в кулак. Затем достал плоскую фляжку из внутреннего кармана и сделал пару глотков живчика на коньяке.

Квопа засмеялась. Кучер повёз за спинку стула Мосю прямо на выход.

– Реабилитируешься, когда в октябре долг за сентябрь наш Муравейник покроет. А пока ты не бригадир и не бугор. Свободен!

– Покедово!

Глаз встал. Встала и Квопа.

– Пойдём, мальчик, я тебя полечу.

– Пошли.

Противно заскрипел под плюхнувшимся на него Кучером стул. В жёлтом прямоугольнике фургона было видно, как администратор вновь взялся за работу.

Мося шёл и не понимал, какой резон для Глаза был врать. Этот свежак, конечно, не одупляется совсем. И бухой к тому же был. Может, в кореша хочет набиться? И вообще, какой-то он странный: то «буханку» из боя выводит прямо на псиона; то горло режет, да ещё с той ловкостью, какой нет здесь даже у Квопы. А она тут с самого начала органы выре-

зает из «скотины». И вообще, как-то он быстро вливается в коллектив – талантливый парень, далеко пойдёт. Надо с ним быть на одной стороне. Только ведь Мося у него сейчас считай что в кармане. Вот какая штука нехорошая получается...

И на «ферму» хода нет. Вот Кучер козёл!

Мысли лились нескончаемым потоком: «А надо. Надо бы как-то разрядиться, нервы на место поставить. И эта девка из головы всё не идёт, тянет к ней. Та-ак, Квопа с Глазом свалили, долго их не будет. Медблок, значит, без присмотра остался. А ведь завтра с утра уезжать, и не на десять дней, а больше. Да! Это шанс. Призрачный, но его надо проверить. Ведь есть жемчужина Малыша. Её надо слить. И вот это случай, может очухаться, реально! Главное, айс-фриз снять, сделать своё дело. Чтобы девка была его, Моси – а уж потом хоть потоп. Что будет, и думать не хочется. Сюда он уже со своей группой приедет, с ним по-другому надо будет говорить, с уважением. Ведь по его выйдет, потому что он, Мося, круче всех».

А вот и медблок. Запертая дверь – не помеха. Бандит встал на дверную ручку и отжал ножом штапики на наддверном, кустарном окошке, аккуратно вытащил стекло, поднял шпингалет и распахнул обе створки. Штапики с торчащими гвоздиками и стекло пока положил на почти плоскую крышу-навес над дверью, сам влез в помещение. Тусклый свет проходил через большое матовое окно операционной. Стояла тишина, только слегка скрипели половицы под вытертым

линолеумом. Тело на кушетке можно было определить лишь по освещённым выпуклостям. Вскоре глаза привыкли, и Мося смог видеть всё застывшее тело. Фантазии уже начали рисовать различные картины услаждения терзающей душу похоти. Дрожащими руками мур извлёк красную жемчужину и вложил её в слегка приоткрытый рот своего объекта вожделения. Пошли томительные минуты ожидания. Жемчуг должен раствориться в любом случае, таковы законы Стикса, и что-то должно измениться. Мося молил всех богов, чтобы это что-то было разморозкой, а не новым свойством или квазированием. И да ладно, пусть она потом станет квазом, или нимфой, всё равно. Главное, чтобы сейчас она растаяла.

Но нет... Ничего не происходило, шли минуты, и где-то через час стало ясно: жемчуг потрачен даром, надо валить обратно.

Стекло встало на место, гвоздики вдавлены в старые дырки. Даже ручку Мося обтёр от песка с ботинок.

В апатии и расстройстве неудавшийся насильник отправился за бухлом, чтобы залить все мысли и паршивое настроение алкоголем. «Отформатировать жёсткий диск», как говорил его завтрашний бригадир Жбан. А «форматировал» он его часто, после каждого рейда по автозаправкам. Если бы не здоровье иммунного, давно бы уже печень отвалилась. Вот и сейчас Жбан сидел у себя в балкё⁵ с каким-то водилой из своей группы и пил. Всё это открылось Мосе в рас-

⁵ Жилище-бочка.

пахнутое окно, а звуки базара слышны были даже в медблоке. Жбан принял нового собутыльника в компанию. На полу под панцирной сеткой кровати стоял ящик водки, на столе красовались две полторашки пива в качестве закуски. Из переполненной пепельницы на столе вываливались окурки. С гранёными стаканчиками в руках и дымящими сигаретами бандиты тёрли за жизнь. К открытой банке шпротов никто даже и не притронулся. Понять, о чём разговор, гость ещё не мог – не в той кондиции был. Решил пока съесть шпротинку: ухватил за кончик хвоста янтарную рыбку и отправил её в рот. Капли масла полетели на одежду. Но вот Жбан прервался:

– Ты что, сюда жрать пришёл?

Он отдал свой доверху наполненный стакан. А его друган, по-отечески заботливо взглянув на Мосю, протянул со стола полторашку пива на запивку. Дело пошло.

Очухался мур в середине следующего дня на заднем сиденье «УАЗика». Трясло безбожно, и внутри, и в буквальном смысле. Дорога прилетала тут раздолбанная, латанная-перелатанная.

– Пить! – хриплым голосом просипел Мося и протянул раскрытую ладонь между водительским и пассажирским сиденьем. В неё молча вложили пластиковую бутылку с водой. Некоторое время были слышны жадные глубокие глотки. Потом бутылка с треском вернула себе прежнюю форму. Теперь уже спереди появилась рука с открытой солдат-

ской флягой. Мося выпил из неё живца. Алкоголь! Рвотный спазм согнул бандита, но тут же начало приходить облегчение. Противный писк в ушах утих, тремор в теле сошел на нет. Приняв ещё водицы, пациент ожил.

– Чё? Где мы уже?

– Чемизово, – донеслось с переднего сиденья.

– Эт уже триста километров отъехали?

– Да, около того. А что, забыл чего взять?

– Не знаю ещё.

– Ну, вас со Жбаном и Харей с утра грузили, пустых. Без оружия. А, да тут хватает и так.

– Ясно.

И Мося решил ещё дремануть до вечера. «Диск отформатировался», мыслей не было, всё чисто, как кардиограмма у покойника.

* * *

А за триста километров от Моси в Муравейник прибывала колонна внешников. Связист получил сообщение, затем в небе слышалось жужжание лёгких разведывательных дронов. Вскоре пыльный столб с северной дороги стал приближаться. Десять герметичных грузовых автомобилей с пусковыми платформами для беспилотников на крышах, два колёсных танка и бронеджип с крутящимся локатором в кузове.

Квопа, затаенная в чёрно-белый мотокостюм, шурилась, смотря на приближающихся внешников. Она не любила с ними контактировать, поэтому сейчас сидела на мотоцикле. Сзади сидел Глаз, он тоже воспользовался поводом уехать на время из стаба. Поводом была перезагрузка озера, что напротив черноты на юге. Иногда там прилетали рыбаки и туристы. Но главное – там было много рыбы. Два сложенных спиннинга торчали из рюкзака ментата.

– Ладно, поехали мы.

Знахарка махнула рукой Кучеру и надвинула на голову чёрный шлем. Мотор взревел, и парочка помчалась к озеру.

Вскоре вдаль на горизонте засверкали молнии. Оттуда потянуло свежим сырым ветром. Донеслись раскаты грома.

Квопа доехала до холма, он служил защитой от возможного наводнения. На вершине остановились.

Вдвоём они стояли на вершине и замороженно смотрели на чудо Стикса.

– Не видел ещё?

– Не-е...

– Всё! Прилетело. Заражённых тут не бывает, ни разу не видела, прилетевших сразу зачищаю.

Квопа отняла от глаз бинокль.

– А в этот раз никого.

Глаз уже настроил спиннинги. Дал один знахарке.

– Мальчики направо, девочки налево, – пошутила женщина, покрутила в руках воблер и одобрительно кивнула.

– Встретимся здесь через два часа. А пока аппетит нагуляем, – как-то многозначительно сказал Глаз и плотоядно улыбнулся.

Квопа ответила такой же загадочной улыбкой, и грациозной походкой отправилась вниз по склону. Глаз проводил взглядом её туго обтянутые мотокостюмом ягодицы и пошёл к срезу воды.

Прилетело немного с переполнением, поэтому луговина была залита по щиколотку. Вода, перемешанная с травой, хлюпала под ногами, а по пляжу струились широкие и неглубокие потоки воды. Песок в них образовывал на дне рябь из маленьких барханчиков. Закидывать удочку пока не было смысла, вскоре вода успокоится, и на поднятую вдоль берега муть устремится очухавшаяся рыба. Но рыбак продолжал удаляться от точки встречи. Рыбачка также очень спешила.

Квопа достигла угла озера и направилась в микроскопический стаб, какие иногда бывают на пересечениях трёх кластеров. Многовековой лес стоял безмолвно, толстенный мох проваливался под ногами чуть ли не по колено. Он же окутывал и полузасохшие толстые дубы. Засохшие ветви переплелись с живыми, все были с наростами, скрюченные. В какой-то момент женщина подпрыгнула и, как по рукоходу, цепляясь за ветки, продолжила углубляться в чащу.

Странная круглая поляна была лишена мшистой растительности. Её покрывали обыкновенные луговые травы, в центре стоял остов громадного обломанного дуба, он был пу-

стотелым внутри. Выбеленную временем древесину покрывали узоры, написанные кровью тех невинных рыбаков и туристов, что раньше переносились сюда с озером. Их кости тут же проглядывали из высокой травы.

Квопа спрыгнула на поляну, сбросила всю одежду и вошла в дупло дуба-жертвенника. Пала на колени и распростёрлась, её губы страстно зашептали:

– Приветствую тебя и преклоняюсь перед тобой, о Великий Стикс. Я твоё дитя, отдаю себя всю служению тебе.

Прошла минута. Трещали и скрипели деревья, шумел ветер. Стебли травы шуршали друг о друга, лесные запахи окутали алтарь.

«Я тебя слышу».

В голове молодой ведьмы возник образ Тысячелетней Старухи. Да, да, – Квопа на самом деле не была знахаркой. Она играла эту роль среди муров. Её дар был гораздо многограннее, а история гораздо богаче, чем знали о ней внешники и бандиты из Муравейника. Она была ведьмой!

– Великая Мать! – на глазах Квопы выступили слёзы благоговения.

«Я слышу тебя, дочь моя. Говори быстрее, пока энергия перезагрузки ещё возмущает эфир».

– Великая Мать! Пророчество сбылось. Она явлена Стиксом. Благословение и проклятие, жизнь и смерть. Сёстры, что ждали её в других местах – могут возвращаться к своим делам, и мне пора покинуть свой пост. Я хочу теперь полу-

чить другое служение. Также в стабе появился ментат, скоро он сможет меня раскрыть.

«Слава Стиксу! Дочь моя, я прочла все твои мысли, можешь больше ничего не говорить. Возвращайся в Муравейник. Тебе надо склонить Хранительницу на нашу сторону. Она должна примкнуть к нам по-хорошему или по-плохому. Да благословит нас Стикс!»

В сознании погас голос старухи. Ведьма быстро оделась и проделала обратный путь к спрятанному спиннингу.

Первый же заброс, шёпот губ – и большой судак уже бьётся у ног удачливой рыбачки. Пристальный взгляд, ещё один точный заброс, шёпот молитвы, новое благословение Стикса. Молодая килдинг получала чудеса по заказу. Стикс благоволил ей, а она знала, как правильно ему служить.

...Глаз, как только Квопа скрылась из вида, быстро вернулся на холм, выкатил мотоцикл на трассу, ведущую в Рынск, завёл его и помчался к черноте, затем вдоль неё по мокрой скользкой дороге. Когда чернота осталась за спиной и скрылась из виду, впереди показалась водонапорная башня. Ментат остановился. Достал рацию, выставил нужный диапазон и несколько раз пошипел кнопкой. Радиоэфир откликнулся сразу же:

– Пароль?

Глаз ответил:

– Сзади две фуры стоят.

Шипящий голос ответил:

– Мы их уже видели. Это ты?

– Да, это Богомол. Я на месте.

– Я Бананан. Видим тебя; сенс говорит, хвоста нет; всё чисто. Жди, скоро будем. Конец связи.

Вскоре навороченная машина Института показалась на дороге. Под бронёй скрывалась дюжина суровых наёмников. Глаз, он же Богомол, запрыгнул в приоткрывшийся люк. Бронемашина вскоре вновь скрылась в обустроенном схроне в километре от башни.

На месте Богомол доложил:

– У меня мало времени, через час я должен быть на озере около Муравейника.

Лидер стронгов Бананан, мужчина лет 30–35, жилистый, с чёрными казачьими усами и бритой головой, радостно улыбаясь, обнял вошедшего Богомола.

– Как я рад снова тебя видеть живым и здоровым! Присаживайся. Долго не задержим.

Он указал на раскладной рыбацкий стульчик. Диверсант-разведчик сел и продолжил:

– Решайте сами. Сейчас основные силы покинули стаб муров. Я считал там мысли всех. Там нет никаких сюрпризов, всё нам по силе. При этом там будет до вечера малая мобильная группа внешников. Со всеми трофеями, соответственно. Но это не главное. Я сопровождал подозрительный объект от Рынска, но не мог его прочитать. Зато его считала местная знахарка. Расчёты Института оказались верны – эта девуш-

ка, прозванная там Стекловата, и есть очередной Редактор. И она появилась именно здесь, правда, не обнаружен спутник Редактора – скорее всего, погиб в первые часы или под ордой, у муров его точно нет. Наше месячное дежурство закончено. Пора переходить к положительному варианту плана. Фаза два – захват или уничтожение Редактора Улья, пока она не наделала дел. Считаю необходимым немедленно атаковать Муравейник. И ещё: знахарка муров – адепт культа килдингов. Залочена более сильным, чем я, ментатом. Она единственная, о ком я не смог ничего узнать. Но по косвенным данным очевидно, что она килдинг, и не из последних, крайне сильна и опасна. Даров её, кроме посредственного знахарства, я также не смог узнать. Прощупывать её опасюсь.

Бывалый бритый стронг в боевом обвесе задумчиво покивал головой. Его взгляд был рассеян. Наконец, он принял решение.

– Возвращайся назад. Поможешь нам изнутри. Открой ворота в районе семи вечера, дальше по обстановке, не геройствуй и не подставляйся.

Богомол снова обнялся с Банананом и отправился в обратный путь к озеру.

– До вечера! Если он настанет...

В Улье могло быть всякое.

Мотоцикл был водружён на прежнее место. Топливо уже было долито у стронгов до нужного показателя. Следы также

не могли выдать тайный отъезд Глаза. Впереди было ещё немного свободного времени.

Рыба не брала. Ни проводка сверху, ни в полдна, ни над дном – ничего не помогало. Результата не дала и проводка вдоль ряда прибрежных кустов. В конце концов, ещё и зацеп случился. Глаз решил пройти вдоль берега и дёрнуть под другим углом. Удилищегнулось, леска звенела и гудела от напряжения. За этим занятием его и застал смех Квопы – он отражался эхом пустынного берега и разливался над озером. Знахарка стояла неподалёку: в одной руке прут спиннинга, вторая согнута в локте и прижата к плечу; в ладони зажат кукан с тремя серебристыми судаками – их хвосты доставали почти до колена красавицы.

– Отрывай.

От очередного отчаянного рывка вода под леской забурлила. Удилище свистнуло. Треньк! Леска безвольно обвисла и начала наматываться на безынерционную катушку. За спиной было слышно, как плюхнулась на траву связка рыбы. Нежные руки Квопы обняли Глаза сзади за талию и потянулись к застёжке кожаного ремня. Тёплый и травяной запах только что распущенных волос вызывал приятную истому.

Через полчаса только странные следы на песке напоминали о том, что здесь были люди, а парочка с уловом направлялась обратно в стаб.

Глава 6

Тишина

Дно канализационного коллектора было заилено – ноги сразу стали увязать в этой грязи. Нос не сразу привык к запаху, царившему в длинных переходах от одной сливной решётки до другой, где было посвежее. Сюда проникало солнце, в этих пятнах света росла чахлая травка, и идти было легче. Почти всегда после верхней решётки следовало коридорное заграждение с видеокамерой и лампой освещения. Свет, вопреки уверениям подполковника, вскорости пропал. Мои глаза, правда, уже привыкли к темноте, и искусственный свет только сбил бы ночное зрение. Первая решётка была закрыта на небольшой китайский замок. Удар обухом топора прошёл вскользь, зато второй заставил замок жалобно звякнуть и отлететь в жижу на полу. Дужка осталась висеть в проушинах, и мне нужно было только вытащить её и отправить вслед за замком. Решётка оказалась приржавевшая и заиленная, так что поддавалась с трудом. Мне удалось приоткрыть лишь небольшую щель, чтобы протиснуться и продолжить свой путь. Так пришлось воевать с пятью решётками, а на шестой мне показалось, что на секунду освещение пропало. Я поднял голову и обомлел. Сквозь прутья на меня смотрели бельма страшной образины. Пальцы с громадными когтями

и костяными наростами с лёгкостью вырвали из асфальта дороги трёхпудовую чугунную решётку. Видимо, моя предыдущая возня со сбиванием замка привлекла голодную тварь.

...До того замок уже был сбит, но вот сама дверь здесь вросла в дёрн, и сдвинуть её, не откапывая, не выходило. Я положил на пол мешавшую мне рацию, взял топор. Орудую им и как резаком, и как лопатой, к этому моменту я почти откопал нужный мне сегмент для открытия. Трудность ещё состояла в том, что дверь открывалась от меня, и приходилось работать, просовывая руки в клетки решётки.

А теперь всё происходило молниеносно. Я как сидел на корточках, так и оставался. Выронив топор, руки как-то сами потянулись к автомату за спиной. Ни скинуть его с плеча, ни потянуть за ремень и, тем более, снять оружие с предохранителя я не успевал. Тварь, царапая гипертрофированными когтями стены из поросшего мхом красного кирпича, быстро сползала вниз. На зелёных стенках оставались живописные тёмно-красные борозды. В абсолютной тишине слышались лишь противный приближающийся звук стачивания кости о крошащийся камень и глухое урчание монстра. На голову мне сыпалась труха из мелких камешков и ошмётков мха. Как и тогда, в гараже, липкое чувство страха и оцепенения завладело моим телом. Жить мне оставалось от силы две секунды. Я сделал короткий вдох и затаил дыхание. Мир стал чёрно-белым. Искаженные звуки как будто проходили сквозь толщу воды. Я завалился на решётку и, не найдя опо-

ры, упал сквозь неё, перекатился и встал на ноги. На первой секунде этого я увидел, что заражённый, как провалившийся в трубу кот, судорожно царапает стены, пытаясь выскочить обратно – и это ему удалось. На второй секунде я уже стоял за решёткой, а об опасном визитёре напоминали лишь ободранные стенки шахты слива и кучки красной щебёнки на полу. Снова оглушила тишина подземелья. Что это было? Постепенно вернулось цветность мира, запахи и слух. Всё было нормально, только вот торчал я с другой стороны решётки. Дверь так и стояла закрытая. Я обхватил ладонью один рифлёный арматурный прут и с силой покачал – никакого результата. Висевшая на нем паутина осыпалась чёрной пылью. Я отпустил прут, моя ладонь была чёрной от сажи. Нет, я не был вторым терминатором, и мой автомат не звякал о решётку. Но я прошёл через неё даже лучше. Как же это у меня вышло? Что было? Испуг – и я коротко выдыхаю и затаиваю дыхание. Испуга сейчас нет. А вот остальное попробую снова.

Я вновь погрузил себя в чёрно-белый транс и шагнул сквозь металлические прутья. Всё удалось. Отлично! Вокруг меня образовывалась сфера, менявшая как-то свойства пространства и законы физики в ней. Вот только... Я понял слишком поздно, что теряю сознание. Меня вырубил. «Только бы не в решётке», – уже когда я перекачивался обратно, мелькнула у меня здравая мысль. Мне повезло. Очухался я на нужной стороне и без посторонних предметов в

теле. Я не знал, сколько я тут пролежал – но, во первых, мне было очень плохо. А во-вторых, за решёткой стоял натуральный зомбак с обвисшими штанами, от которых заметно воняло фекалиями. Его руки тянулись к моей ноге. Влезь он своими хваталками в нижнюю клетку решетки, может, и грыз бы уже свежее мясо. А так – с высоты своего роста ему было никак не дотянуться. По всей видимости, мозги у него в некоторой степени отсутствовали, а вот аппетит был возведён в эту же степень. Его непреодолимое стремление придавило его в моём направлении и не давало отступить даже на сантиметр. Видя, что непосредственной опасности нет, я неторопливо встал и осмотрел незваного гостя. Его ноги серьёзно пострадали при прыжке сюда. Одежда изорвалась и была снизу изгажена. Во рту зубы казались покрупнее, чем у меня, челюсть немного выдвинулась. Пальцы стали узловатыми, со значительно утолщёнными ногтевыми пластинами. На руках, груди и вокруг рта виднелась запёкшаяся кровь. Топором я не мог ничего тут сделать, оставалось только стрелять. Решётка двери хоть и держала, но опасно раскачивалась с каждым порывом заражённого, всё расширяя по полмиллиметра свой ход. Выстрел в закрытом пространстве оглушил, в ушах зазвенело. Ходячий мертвец с дырой в башке завалился на спину и затих. Я глотнул живца, и сразу стало легче – просто чудо какое-то, а не напиток. Мне казалось, что в моём текущем состоянии придётся как минимум день отлёживаться, но живец, очевидно, заслуженно носил

такое название.

Глаза упали на отложенную во время раскопок в сторонку рацию. Я поднял её и двинулся дальше во мглу канализации. С потолка свисали корни, изо всех щелей – белёсые бороды, особенно на стыках труб. Значит, приближаюсь к поверхности, скоро выход. И действительно, вдали замаячил весёлый зелёный кружок. Выход тоже оказался заперт на решётку. На этот раз вместо замка был толстенный ржавый болт с гайкой. В отличие от предыдущих некогда она была окрашена в зелёный цвет, сейчас сильно выгоревший практически до серого. Все мои попытки открутить гайку не привели к успеху. Стрелять, как в заправских боевиках, не хотелось – почти стопроцентный рикошет будет, а тут ещё и бетонная труба со всех сторон. Попробовал поиграть в «хождение через стены», но спасительная чернота не приходила, короткий выдох и затаивание дыхания вызвали только сильнейший приступ головной боли и желание приложиться к заветной фляжке. После пары глотков голова прояснилась, появились первые варианты действий: например, вернуться дооткапывать предыдущую калитку и вылезти на поверхность там, а оттуда идти к оврагу. Но тут-то, в овраге, риск нарваться на заражённых минимален, а вот в жилом квартале, наверное, их кишмя кишит. Другой вариант был связан всё же со взломом. Раз болт и проушины не поддавались, следовало обратить внимание на петли и прутья. Снять дверь с петель не получалось. А вот гладкие прутья, приваренные параллельно друг

другу снизу доверху... Они внушали чувство, что их можно согнуть. Я попробовал развести их руками, чтобы образовался зазор, но ничего не получилось. И тут на меня снизошло озарение. Если бы получилось с чернотой, накрылась бы рация, как моя «Электроника-53» тогда в гараже. Возле выхода она должна работать – обращусь к подполковнику. Сказано – сделано. Подполковник ответил не сразу. Выслушав сложившуюся ситуацию, он дал дельный совет, и я им воспользовался. Снял свой брезентовый ремень-патронташ, уже очищенный от ненужных винтовочных патронов, пропустил через прут и опору, затем просунул в него рукоятку топора и начал скручивать брезентовый ремень. Прут начал поддаваться; старая краска затрещала и стала отходить, отваливаясь кусками и падая на дно трубы. В образовавшуюся щель не пролезала даже моя голова. А как известно, если голова пролезает, то и всё тело пролезет. Я начал проделывать операцию и со вторым прутом. Тот поддался, но всё же образовавшийся зазор по моим меркам был недостаточно велик. Гулкое эхо вынесло из недр трубы знакомое шарканье и утробное урчание глоток нескольких заражённых. Я впал в холодное состояние сосредоточенности. Сбросил с себя комок со сбруей в карманах: гранат, рожков и прочего военного хлама, прокинул сквозь решётку флягу и автомат с рацией. «Мертвяки» уже показалась из тьмы. Я выдохнул и с силой вклинился в сделанный мной зазор... И застрял! Голова прошла, грудь и спина – почти, а таз снизу не проходил, там

прутья были не так сильно раздвинуты.

Заметив жертву, заражённые усиленно заурчали и ускорились, некоторые вытянули руки вперёд.

Отчаянным усилием, сильно ободрав грудь и лопатки, я почти протиснулся наружу; ухватился за верхнюю сторону калитки, подтянулся, и моя филейная часть прошла вслед за торсом. Время было потеряно. Спускаться вниз по-человечески уже не было возможности; жадные когти тянулись к моим пяткам. Не знаю уж как, оттолкнувшись, извернувшись, я отлетел от верха калитки и перекатился. Твари скопились у железной преграды и тянули ко мне свои исковерканные заражением руки. Я с облегчением перевёл дыхание. Жгло ободранную на груди и спине кожу. Для дезинфекции я подтянул к себе флягу, плеснул немного на раны. Боль ожгла, но затем резко стала сходить на нет. Я принял глоток и внутрь, сунул в карман рацию, взял в руку автомат. Присел на поросший мхом бетонный камушек и огляделся: овраг был девственно пуст. Решётка крепко сдерживала моих преследователей, щель между прутьями была для них слишком мала. Жаль топора, он столько раз меня выручал – но сейчас он лежал в грязи под ногами заражённых. Ладно, пойду дальше за этими книгами, назад путь закрыт. Передам тогда просто по рации подполковнику информацию, и сам заодно разберусь. Я встал и углубился в овраг. Со всех сторон меня обступили заросли золототысячника выше моего роста. Воздух стал густым от застоявшегося аромата дон-

ной растительности. Идти пришлось практически на ощупь, раздвигая тонкие, упругие стебли. Под ногами то и дело попадались какие-то банки от краски, старые покрышки. Крутя головой во все стороны, как филин, я смотрел и вперёд, и назад, и под ноги, и по краям оврага, иногда останавливался и прислушивался. Странно, но не было слышно ничего необычного, щебетали птицы, шуршали листья деревьев. Почему не слышны звуки боя? Я ведь не так уж и далеко, всего километр-полтора.

С этими мыслями я добрался до зелёной железной лестницы, помогавшей путникам преодолевать овраг. По ней пришлось идти тихо-тихо. Она была жутко шумной, каждый мой шаг отзывался симфонией скрипов, гулов, шуршаний; это могло меня выдать. Я сошёл на дернину склона и пошёл рядом. Ходить с ободранным голым торсом было неприятно, к тому же жутко захотелось есть.

Я осторожно выглянул за склон оврага. В парке было пусто. Высоченные старые чёрные липы смешивались сверху кронами, делая это место всегда тенистым и прохладным. Потрескавшиеся асфальтовые дорожки были обрамлены стриженным кустарником декоративной бузины. Ещё недавно её круглые белые ягодки сухо хлопали в сжатых детских пальчиках, вызывая глупую радость детворы. Кое-где сохранились лавки с торчащими рядом с ними остатками кронштейнов мусорных урн. Тёплый ветерок иногда неспешно шуршал по асфальту сухой листвой. Тишина и по-

кой. Видимо, все убежали на звуки выстрелов. Я вообще заметил, что заражённых шум привлекает больше всего. Это делало мой «Калашников» оружием «последней надежды» – как одноимённый фол в футболе, когда игрок сознательно нарушает правила, чтобы избежать гола, в надежде, что назначенный пенальти не будет забит. Надо найти что-то тихое и убойное из холодного оружия. Я посмотрел на рацию: заряд таял. Вызвал подполковника; сквозь помехи ничего не смог разобрать – значит, далековато для связи; отключил.

Напротив заводских ворот в глубине парка стоял киоск. Все его стёкла были разбиты, часть товара рассеяна вокруг. В основном – газеты и журналы. Но я знал, что там могут быть и всякие снэки, шоколадные батончики, газировка. Я напряжённо всматривался в зелень, обрамляющую парк, прислушивался, но ничего не заметил. Решившись, присел пониже уровня стриженного кустарника, и неспешно, гусиным шагом, с остановками, стал пробираться к киоску. Добрался без приключений и прошмыгнул внутрь. Внутри воняло кислятиной: содержимое кишечника продавщицы вместе с частью её костей и шикарными белыми волосами устило весь пол. Я даже удивился своей отстранённости от реальности. Меня это не шокировало, чувствовалось лишь сожаление о том, что придётся испытать некоторый дискомфорт при поисках еды и воды. А вот, кстати, и еда. Под прилавком на полочке стоял начатый блок сникерсов, чуть в стороне – перетянутый полиэтиленом блок баночек «Кока-колы». Всё остальное я

даже не впустил в сознание; будь там ещё и слиток золота, я бы его просто не увидел – вот в таком я был состоянии. Взял жменю батончиков, засунул их в карман с клапаном; проткнул пальцем плёнку на шестёрке баночек с газировкой, и выбрался обратно, под прикрытия подстриженной аллеи, затем метрах в пятнадцати нашёл укромное место. Здесь когда-то стояла лавка. Сейчас о ней напоминала вытоптанная земля, замощённая пробками от пива. Устроившись на бордюре, я очень аккуратно вскрыл первую банку и выпил её вприкуску со сникерсом. Чувство голода пропало. Половина второй баночки решила и проблему с жаждой. Остальные банки я рассовал по карманам – но вот незадача, штаны начали сползать. Пришлось почти все трофеи сбросить в этом месте. Жаль, но ничего не поделаешь, подвижность важнее.

Мне оставался последний этап пути. Вдоль бетонного забора я прошёл без проблем, прикрытый и забором, и кустами. Правда, это надёжное место в мирное время использовалось гражданами как общественный туалет – то и дело приходилось перешагивать через «мины». Много здесь было и битых бутылки, их обычно с размаху били о бетон забора подвыпившие подростки.

Кусты закончились, и я затаился. Через ветви сирени я увидел грузовик и разбросанные вокруг него кучи растерзанного тряпья. В кузове на лафете смотрел в небо «Корд», висела лента с патронами. Было много останков заражённых. А валявшиеся рядом противогазы подтверждали, что здесь

лежат солдаты группы Хасанова.

Но вот подойти скрытно и обыскать машину я не мог – метрах в двухстах стоял, покачиваясь, заражённый. Понаблюдав за ним минут с десять, я заметил ещё одного возле мусорных баков. Вполне возможно, эту площадь просматривают и другие заражённые. Надо как-то сорвать их всех отсюда – привлечь чем-то, а самому тем временем обыскать машину. Единственное, что пришло мне в голову, то я и начал реализовывать. Прodelал обратно весь путь до газетного киоска; прокрался в него; среди товаров нашёл зажигалку и лосьоны-одеколоны; залил ими разворошённые кипы газет и блистеров с китайскими игрушками. Для надёжности я выщелкнул из рожка пару патронов и отправил их на вершину костра. Запылало славно: сначала без дыма и тихо. А вот когда я вновь вернулся на свой наблюдательный пункт в кустах сирени, в киоске уже полыхало на славу. От пластика валил чёрный дым, хлопали баллончики для заправки зажигалок; в общем, отвлекающий манёвр удался. «Охранник» и «мусорщик» сорвались со своих мест и направились в парк. В своих предположениях я не ошибся: из заводских ворот вскоре показалась группа из пяти заражённых, и самым последним прополз из кустов на противоположной стороне площади уж совсем обессиливший зомбак. Как только его от меня скрыла густая листва парковых аллей, настали мои секунды. Я сорвался с места и понёсся к машине. Обыскивать долго я не решился. Быстро закинул на плечо два вещ-

мешка, что заметил ещё в первый раз. Влетел в кабину – в открытом бардачке действительно, как и говорил полковник, лежала невзрачная замусоленная книжица. Сунул её в карман. На сиденье была рация – отправил её к книге.

Всё! Валю обратно! Коленки тряслись, запахло кровью. Сердце было готово выпрыгнуть из груди. Оказавшись в своём укрытии, я перевёл дух. На площади по-прежнему никого не было. Идти через парк с горящим киоском было нельзя. А надо как-то подобраться к военной части или на дистанцию уверенного приёма сигнала рации.

Но тут в мои планы пришли неожиданные изменения.

Не все твари сорвались проверять горящий киоск. Самая хитрая и развитая горилла с громадной пастью, усеянной рядом гипертрофированных клыков, вся, словно средневековый рыцарь, покрытая костяными пластинами с небольшими, как у ракушки-рапаны, наростами, неслась ко мне, иногда припадая на передние лапы. Я произвёл нехитрый расчёт. Мне бежать до машины гораздо ближе, но тварь быстра. И как бы она ни скакала, её глазные щели продолжали впериваться в мои глаза и «вели» меня, не отпуская.

С треском я вывалился из кустов и побежал к крупнокалиберному пулемёту. В спину стучали так и не сброшенные рюкзаки; некогда. По пути я судорожно вспоминал, что видел на крыше: на что там нажимали солдаты? По идее, всё должно быть в боевом состоянии. Бронированная обезьяна пробежала уже половину дистанции, когда я заскочил в ку-

зов и одним движением освободил ленту от остатков одежды растерзанного солдата, затем навёл ствол и нажал на гашетку. Выстрелы крупным калибром сотрясли кузов. Пол под ногами заходил ходуном, уши заложило. Мне, наверное, повезло. В ленту через один были запроважены бронебойные и огненно-взрывные патроны, и кучность оказалась хорошая. Но вот скорострельность и длина ленты вошли в противоречие с шансами на продолжение моей жизни. Тишина настала неожиданно. Патроны кончились. Сила очереди, пробивающей стену в 3–4 кирпича, здесь столкнулась с как будто непреодолимой преградой. Костяной ком, в который превратилось чудовище, вылетел из облака дыма и пыли. Я судорожно ухватился за бесполезный «Калашников», но всё оказалось не так плохо. Тварь так и не встала на ноги, прокатившись ещё по инерции метров с пять, и остановилась. Из разбитого панциря сочилась жёлтая жидкость. Долго рассматривать тело я не стал. Наш пятисекундный бой наверняка был явным приглашением на обед для остальных заражённых.

Попытка завести грузовик удалась, и я отменил план «Б». Я разогнался по территории завода, потом замедлился у последнего цеха и спрыгнул. Грузовик уже без меня покатился дальше своим ходом по полю, появившемуся здесь накануне. А я по громадной воротине взобрался на плоскую крышу цеха, перевалился через бетонный парапет, и оказался на тёплом рубероиде, обильно залитом гудроном. Пригнувшись,

чтобы не было видно снизу, я дошёл до середины крыши; скоро стало слышно, как снизу протопала толпа заражённых, а вот шум от грузовика, наоборот, затих. Увидеть меня здесь можно было только с трубы заводской котельной и с макушки антенны над бункером полковника. Практически господствующая высота. Немного справа вдоль стены возвышались жестяные короба вентиляции, между ними оказалось неплохое место, чтобы выглянуть и осмотреться. Заражённые были. Немного, но были. Одни тянулись в сторону парка, другие в поле, к одиноко стоящему грузовику, от которого начал валить густой серый дым. Собственно, только столб дыма я от него и видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.